

Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важнейшим памятником права Псковского государства XIV—XV вв. является обнаруженная проф. Н. Мурзакевичем в Одессе в 1843 г. и опубликованная в 1847 г. Псковская Судная Грамота.

Псковскую Судную Грамоту, дошедшую до нас в единственном описке (если не считать небольшого отрывка, обнаруженного Н. М. Карамзиным), следует рассматривать как новый этап в развитии русского права за время между изданием Русской Правды и Великокняжеским Судебником 1497 г. Судная Грамота не только развивает основные положения Русской Правды, но и идет значительно дальше. Это объясняется тем, что Псковская Судная Грамота отражает более высокий уровень экономической жизни, чем Русская Правда. Так, значительное место в Судной Грамоте занимают нормы, относящиеся к гражданскому праву. Между тем в Русской Правде этих норм права еще очень мало.

Псковская Судная Грамота оказала большое влияние на последующее развитие русского права. Достаточно сказать, что одним из источников Судебника Ивана III является Псковская Судная Грамота.

Археографическая Комиссия дала высокую оценку этому памятнику русского права: «Напечатанная г. М. в Одессе Псковская Судная Грамота по историческому достоинству равняется Русской Правде, Новгородской Судной Грамоте, Судебникам Иоанна III и Иоанна IV».

Советская историческая и историко-юридическая наука придает этому памятнику права весьма важное значение, как крупнейшему источнику наших знаний о правовой жизни Псковского государства. Акад. Б. Д. Греков указывает, что Псковская Судная Грамота «... самый крупный и содержательный источник по истории общественных отношений в Пскове...» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1946, стр. 476).

В другом месте он пишет: «Не забудем, что только каким-то чудом спасена для науки и знаменитая Псковская Судная Грамота, дошедшая до нас, в сущности, только в одном списке. Очевидно, тяжелые удары, выпавшие на долю Псковской земли на протяжении ее истории, лишили нас многих ценнейших исторических памятников» (Б. Д. Греков. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «емерды грамоты». Журнал «Исторические записки» № 20, 1946, стр. 13. Изд-во Акад. наук СССР).

Один из крупнейших источниковедов истории СССР член-корреспондент Академии наук СССР проф. М. Н. Тихомиров также высоко оценивает этот памятник русского права.

«Псковская Судная Грамота, — пишет он, — является первостепенным историческим источником, рисующим порядки северо-восточной Руси XIV в. Для изучения социальной истории Псковской земли — это памятник исключительного значения» (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I, ОГИЗ, М., 1940, стр. 119).

С момента первого издания Псковской Судной Грамоты, опубликованной проф. М. Мурзакевичем в 1847 г., прошло свыше 100 лет. За это время появился ряд работ, специально посвященных происхождению, составу и содержанию Грамоты. Некоторые работы посвящены изучению отдельных частей Грамоты, например, отношениям между землевладельцами и крестьянами, юридической природе землепользования, крестьянскому закрепощению, нормам гражданского права, судоустройства и процесса. Наконец, в учебниках и курсах по истории русского права был дан анализ всего содержания этого важнейшего памятника древнерусского права. Кроме того, издан ряд текстов и комментариев Псковской Судной Грамоты.

В советский период вышел в свет ряд работ, посвященных происхождению и составу Псковской Судной Грамоты. К ним относится работа М. К. Рожковой «К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты», Л. В. Черепнина «К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты» и его же «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.», Б. Б. Кафенгауза «О происхождении и составе Псковской Судной Грамоты».

В 1940 г. в № 16 «Исторических записок» появился добросовестно и тщательно выполненный перевод и комментарии Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева.

Наконец, были опубликованы исследования, касавшиеся отдельных вопросов Псковской Судной Грамоты, в частности, об отношении крестьянина к землевладельцу, о псковских «изорниках», о восстании псковских смердов в 1483—1486 гг. Это работы П. А. Аргунова «Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты», М. М. Богословского «К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте», Б. Д. Грекова «Земледелец и землевладелец в Пскове XV в.» и его же «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.». С. В. Юшкова «Псковская аграрная революция XV в.», Б. Б. Кафенгауза «Псковские «изорники», С. Н. Чернова «Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х гг. XV в.».

Однако юридическому анализу Псковской Судной Грамоты советские историки права не уделили должного внимания. Только в учебнике проф. С. В. Юшкова «История государства и права СССР» имеется краткий юридический анализ Псковской Судной Грамоты. Кроме того, анализ норм уголовного права, содержащихся в Грамоте, дан в статье проф. М. М. Исаева «Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв.» Но этого явно недостаточно. Понятно, что студенты юридических вузов, работающие по истории государства и права СССР, испытывают большие трудности при изучении этого важнейшего памятника русского права.

Учебные пособия, изданные в дореволюционное время, как, например, хрестоматия по истории русского права Владимирского-Буданова, стали уже библиографической редкостью. Кроме того, они устарели и в силу этого не отвечают требованиям советской юридической науки.

Предлагаемая работа ставит задачей дать студентам учебный материал по изучению Псковской Судной Грамоты. Вместе с тем автор имеет в виду осветить в работе итоги изучения Псковской Судной Грамоты за 100 лет с момента ее первого издания и дать юридический анализ этого памятника русского права, отразившего высокий уровень экономического и правового развития древнего Пскова XIV—XV вв.

Автор выражает искреннюю признательность лауреату Сталинской премии, члену-корреспонденту Академии наук СССР проф. А. И. Яковлеву; действительному члену Академии наук Казахской ССР проф. С. В. Юшкову; доктору исторических наук проф. Л. В. Черепнину и проф. П. Н. Галанза за ценные указания, сделанные ими в процессе подготовки работы к печати.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

В настоящей главе мы имеем и виду остановиться на разборе специальной литературы, в которой авторы ставили перед собой задачу выяснить основные проблемы, имеющие отношение к памятнику, а именно: происхождение, состав и содержание Судной Грамоты

Издав Псковскую Судную Грамоту¹ проф. Мурзакевич снабдил ее статьей, в которой изложил свои взгляды на ряд спорных вопросов, связанных с этим памятником. Прежде всего он оспаривал дату, указанную в самом тексте Грамоты, а именно ? S Ц Ё (6905), т. е. 1397 г. Он считал эту дату опиской переписчика и доказывал, что Грамота составлена значительно позднее, чем это указано в самой Грамоте. Эту описку переписчика он объяснял ветхостью и неясным обозначением цифр подлинного текста

Псковской Судной Грамоты, с которого затем списал переписчик первой половины XVII в

Как полагает Мурзакевич, дата, указанная в Грамоте, не соответствует действительности. Это видно из самой Грамоты, где говорится «Грамота выписана из всех приписков Псковских пошлин, по благословению отец своих попов, всех Ё (5) соборов».

Между тем из Псковской летописи известно, что в 1397 г. было всего лишь два собора; пятый собор во Пскове был учрежден в 1462 г. По мнению Мурзакевича, вероятнее всего, что в самой Грамоте стояла дата ? S Ц O Ё (6975), или 1467 г. Но переписчик вследствие ветхости Грамоты и неясности цифры O (70) мог написать цифру € (5), прибавив к ней еще одну цифровую букву E вследствие чего в новом списке Грамоты и появилась дата ? S Ц E E (6905), т. е. 1397 г. Большую вероятность даты 1467 г. проф. Мурзакевич доказывает ссылкой на Псковскую летопись. В ней указывается, что весной этого года в Псков приехал от Московского великого князя князь Федор Юрьевич Шуйский, которого псковичи посадили на княжение. Князь Шуйский предъявил требование Пскову, чтобы ему разрешили держать своих наместников не в семи пригородах, как это было до сих пор, а в двенадцати. Не желая вступать в конфликт с Московским государством, псковичи вынуждены были удовлетворить это требование.

Поэтому Мурзакевич считает, что псковичи с целью сохранения своих обычаев и не имея возможности сопротивляться усилившемуся влиянию Москвы, составили в 1467 г на основании различных древних грамот Псковскую Судную Грамоту.

В самом начале Псковской Судной Грамоты указывается, что она выписана из грамот великого князя Александра и князя Константина. Мурзакевич полагает, что речь идет о великом князе Александре Михайловиче Тверском, княжившем в Пскове с 1327 по 1330 г и с 1331 по 1337 г., и князе Константине Дмитриевиче, княжившем в Пскове в 1407 г.

По мнению Мурзакевича, Псковская Судная Грамота является одним из источников Судебника 1497 г.

Опубликование Псковской Судной Грамоты вызвало появление рецензий, за которыми появились и отдельные исследования.

В 1848 г. в журнале «Москвитянин.»² была помещена рецензия на Псковскую Судную Грамоту известного археографа и историка русского права Н. В. Калачова (1819—1885). Он касается преимущественно вопросов издания и времени составления Псковской Судной Грамоты и лишь отчасти ее содержания. По мнению Калачова, Псковская Судная Грамота есть не что

иное, как сборник законов и судебных решений, составленных в разное время, а затем сведенных в один документ.

Калачов считает, что 1397 г. как дата, указанная в самой Грамоте, есть первый этап составления Грамоты. Затем к ней делались приписки. Последние приписки к Грамоте были сделаны в 1467 г. или около этого времени, но не ранее 1462 г. Таким образом, Псковская Грамота, обнаруженная проф. Мурзакевичем, по мнению Калачова, не представляет собой подлинной Грамоты 1397 г., она подвергалась изменению, в виде дополнительного законодательного материала, расположенного в хронологическом порядке. Калачов отрицает утверждение проф. Мурзакевича о том, что время составления Грамоты относится к 1467 г. Ссылка на то, что Грамота составлена «по благословению попов всех 5 соборов», объясняется тем, что переписчик, переписывая Грамоту, составленную в 1397 г., и встретив указание на существование во Пскове двух или трех соборов, а не пяти, как это было в его время, исправил соответственно цифру два или три на пять. Калачов допускает возможность этого произвольного изменения, внесенного переписчиком, а также последних дополнений к Грамоте, которые были приняты вечем, подтвердившим без всяких изменений Грамоту 1397 г. с согласия существовавших тогда попов всех пяти соборов, что могло иметь место не ранее 1462 г. Поэтому Калачов полагает, что обвинять переписчика в замене цифровой буквы О (70) цифровой буквой Е (5) нет оснований. Стоящая же рядом с цифровой буквой F! другая такая же буква означает числительное порядковое: пятое. Таким образом, было бы более правильным датировать Псковскую Судную Грамоту 1397 г. Что же касается 1467 г., то к этому времени относятся лишь сделанные к ней приписки.

Калачов не согласен с Мурзакевичем и по поводу того, что в Грамоте речь идет об Александре Михайловиче Тверском, сидевшем на княжеском престоле во Пскове с 1327 по 1330 и с 1331 по 1337 г. Он считает, что вероятнее всего в Грамоте имеется ввиду Александр Ярославич Невский. В доказательство своего предположения он ссылается на послание митрополита Киприана 1395 г («Акты Исторические», т. I, № 10), в котором упоминается Грамота великого князя Александра. Калачов считает, что митрополит Киприан не мог назвать великим князем Александра Михайловича Тверского, что этот титул мог быть присвоен только Александру Невскому. Однако это мнение Калачова не может быть признано основательным. Как видно из летописей, Александр Невский, и Александр Тверской именовались великими князьями.

Касаясь содержания Грамоты, Калачов отрицает какую-либо систему, лежащую в основе распределения правового материала, если не считать объединения в одну группу статей, однородных по составу. Однако он считает, что и в этой группе нет последовательно проведенной системы.

Поэтому, по его мнению, в Псковской Грамоте нормы материального и процессуального права не разделены между собой, хотя это разделение должно было существовать в то время, когда уже было разграничение между судебными органами и институтами. Отсюда он делает вывод, что материал в Грамоте расположен не в систематическом, а в хронологическом порядке.

Интересно отметить, что Калачов решительно отрицает какое-либо влияние Псковской Судной Грамоты на последующее законодательство Московского великого Княжества, в частности, на великокняжеский Судебник 1497 г. Калачов считает, что сходство статей Судебника Псковской Судной Грамоты объясняется не заимствованием, а тем, что в основе русского права той эпохи сдержались общие принципы, несмотря на существование сдельных княжеств с их особенностями правовой жизни. Первое исследование Псковской Судной Грамоты под инициалами «К. М-ий» было помещено в журнале «Северное обозрение» за 1850 г.³ В работе излагается вопрос о времени составления Псковской Судной Грамоты, сходстве отдельных Статей Грамоты с Русской Правдой и влияния Судной Грамоты на последующее русское законодательство, в частности, на Судебник 1497 г. В работе не дан юридический анализ статей Грамоты и, таким образом, автором не раскрыто содержание Псковской Грамоты.

К. М-ий соглашается с проф. Мурзакевичем в том, что возможной датой составления Псковской Судной Грамоты является 1467 г. Это совпадает и с другими обстоятельствами политической жизни Пскова, вызвавшими издание Грамоты. Однако он не согласен с тем, что в Грамоте идет речь об Александре Михайловиче Тверском. По его мнению, Александр Михайлович Тверской, будучи изгнанником из Твери, не мог быть законодателем. Наиболее вероятным он считал в качестве законодателя князя Александра Федоровича Ростовского, княжившего во Пскове трижды между 1410 и 1434 гг. При нем произошла замена иностранной монеты — пенези — серебряными деньгами, что имело место в 1420 г. Поскольку такая денежная реформа падает на княжение Александра Федоровича Ростовского, а в год составления Псковской Судной Грамоты, т. е. в 1467 г., эти деньги были единственной монетой во Пскове, Грамота имеет в виду упомянутого выше князя. Однако приведенные исследователем аргументы недостаточно вески и не могут служить убедительным доказательством.

К. М-ий устанавливал значительное влияние Псковской Грамоты на последующее русское законодательство. Автор первого Судебника заимствовал систему Псковской Грамоты, а некоторые статьи Судебника были полностью заимствованы из Псковской Грамоты. Даже второй Судебник подвергся влиянию Псковской Судной Грамоты. К. М-ий высоко оценивал достоинства Псковской Грамоты, которая сумела наиболее полно и правильно развить основные положения Русской Правды. «Псковская

грамота, — писал он, — в помянутых отношениях далеко оставляет за собою все современные ей законодательные памятники»⁴.

Первой монографией, довольно обстоятельной и основанной на большом сравнительном историческом материале, посвященной исследованию Псковской Судной Грамоты, является работа Ф. Устрялова⁵. Ф. Устрялов не входит в обсуждение вопроса времени издания Псковской Судной Грамоты, присоединяясь к взглядам, высказанным первым ее издателем проф. Мурзакевичем. Источники Псковской Судной Грамоты он делит на два вида: частные и общие. К частным источникам он относит новгородские договорные грамоты и псковские пошлины. К общим источникам, кроме Русской Правды, он относит германское и византийское право, причем большая часть норм Псковской Судной Грамоты, по его мнению, заимствована из общих источников. Но, ссылаясь на германское и византийское право как на источники Псковской Судной Грамоты, Устрялов в своей работе не приводит конкретных фактов, подтверждающих выдвинутое им положение.

Между тем исследование Псковской Судной Грамоты позволяет прийти к выводу, что о влиянии германского и византийского права не может быть и речи. Сходство отдельных норм права объясняется не заимствованием, а одинаковыми социально-экономическими условиями в этих странах и в древней Руси.

Устрялов отмечает большое влияние Псковской Судной Грамоты на Судебник Ивана III, заимствовавший много норм из Судной Грамоты.

В основу своего исследования Устрялов положил систему действовавшего в то время Свода Законов Российской империи. Все нормы Судной Грамоты были разделены на две части: на нормы, относящиеся к гражданским законам определительным, и на нормы, относящиеся к законам гражданским охранительным. Нормы, относящиеся к уголовному праву, он не подверг исследованию, и поэтому работы Устрялова не дает полного представления о Псковской Судной Грамоте.

Почти одновременно с работой Устрялова вышло исследование И. Энгельмана⁶. Его работа представляет собой постатейный комментарий Псковской Судной Грамоты, расположенный по определенной системе. Как и Устрялов, он делит нормы Грамоты на законы гражданские определительные и законы гражданские охранительные. Энгельман, так же как и Калачов, считает, что упоминаемый в грамоте великий князь Александр был Александр Невский. Он полагает, что Псковская Грамота составлялась в течение продолжительного времени. Наиболее вероятной датой, указанной в заглавии Грамоты, по его мнению, следует считать дату 1467 г.⁷, если иметь в виду, что при переписывании древней рукописи переписчик по неясности

текста или невнимательности пропустил в цифровых буквах ? S Ц Ё букву О (70). Он отвергает предположение проф. Мурзакевича, считавшего, что переписчик по ошибке вместо цифровой буквы О (70) написал цифровую букву Ё, поставив рядом с ней десятичную цифровую букву Е. Эта дата подтверждается, по мнению Энгельмана, «роме того, событиями во Пскове, связанными с назначением в этом году великокняжеским наместником князя Шуйского.

Энгельман, подобно Калачову, считает, что статьи в Грамоте расположены в хронологическом порядке.

Все статьи Грамоты он делит на две части: первоначальную (с 1-й по 76-ю ст., в которую вошли Грамота Александра Невского и нормы, изданные после выхода Грамоты) и дополнительную (с 77-й ст. до конца), куда вошла Грамота князя Константина и статьи, изданные после этой Грамоты.; Такое разделение Грамоты на две части Энгельман объясняет тем, что ряд сходных статей имеется как в первой, так и во второй части. При этом статьи второй части дополняют или уточняют статьи первой части.

Началом составления Псковской Грамоты, по мнению Энгельмана, является время княжения Александра Невского, а окончанием — 1467 г.

В 1869 г. появилась работа Н. Дювернуа, в которой также освещается ряд вопросов, связанных с Псковской Судной Грамотой.

Н. Дювернуа не касается вопроса о дате издания Псковской Судной Грамоты. По поводу двух князей, упоминающихся в Грамоте, он присоединяется к взглядам Энгельмана, полагая, что пока нет новых источников для разрешения этого спорного вопроса.

Дювернуа также поддерживал мнение Энгельмана о необходимости разделения Грамоты на две части. Однако он не согласен с тем, что Грамоту нельзя считать законодательным актом, изданным единовременно.

Он указывал, что нужно различать вопрос о приписке пошлин в Грамоту судьями без санкции веча от вопроса в формальном (признании веча всей Грамоты в целом как закона.

Первоначально, по мнению Дювернуа, существовали во Пскове две грамоты с приписками к ним, которыми руководствовались судьи. Но затем было решено свести две грамоты с приписками в одно целое, что потребовало утверждения веча. Вече придало этой Грамоте силу закона. Таким образом, если Грамота князя Александра и Грамота князя Константина с приписками к ним были составлены в разное время без

санкции веча, то вся в целом она была санкционирована вечем единовременно.

Однако с этой точкой зрения Дювернуа нельзя согласиться. Вряд ли во Пскове могли существовать такие нормы права, которые не требовали утверждения их вечем. Не случайно в ст. 108 Псковской Грамоты говорилось: «А которой строке (статьи) пошлинной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте не люба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь ив грамот»⁹.

Нельзя согласиться и с утверждением Дювернуа о том, что приписки пошлин в грамоты происходили с участием духовных лиц. Дювернуа сам себе противоречит, когда пишет, что «хранение закона лежало, невидимому, на высших городских выборных и отчасти судебных сановниках. Это подтверждается еще одним известием, в котором видим, что другое определение Псковского веча, по его же приказу, было вынута из ларя посадником, боярами псковскими, сотским и судьями»¹⁰.

Суд во Пскове носил светский характер. Судебные функции осуществлял князь и его наместники, а также само вече по наиболее важным делам как уголовного, так и гражданского характера. Церковные органы в лице Псковского наместника Новгородского архиепископа могли осуществлять судебные функции лишь над духовными лицами или лицами, принадлежавшими к церкви, а также над другими лицами за нарушение церковных правил.

Дювернуа давал высокую оценку Грамоте. Он считал, что Грамота является прямым продолжением Русской Правды, а Судебник 1497 г. составлен под ее очевидным влиянием.

В 1884 г. появилась работа Мрочек-Дроздовского, посвященная главнейшим местным памятникам русского права, в том числе и Псковской Судной Грамоте¹¹.

В своей работе Мрочек-Дроздовский останавливается лишь на двух вопросах: о времени составления Псковской Грамоты и ее системе. Он безоговорочно присоединяется к числу тех ученых, которые считают временем составления Грамоты 1467 год. Он делит Псковскую Грамоту на три части. В основу первых двух частей, подобно Энгельману, он кладет две княжеские грамоты со сделанными к ним приписками. Третью часть составляют приписки, относящиеся не к двум княжеским грамотам, а к Псковской Грамоте в целом, т. е. приписки, произведенные во время окончательного составления Грамоты в 1467 г. Соответственно к первой части относятся статьи с 1-й по 35-ю, ко второй — с 36-й по 108-ю и к тре-

твѣй — со 109-й до конца. В свою очередь каждую часть он делит на отделы. При этом распределение статей является, по его мнению, не случайным. Они расположены по тем правовым институтам, которые имеются в Грамоте.

Если первая часть Судной Грамоты, или Грамота князя Александра, представляет собой, по его мнению, местные дополнения и изменения Русской Правды, то вторая часть, или Грамота князя Константина, а также третья часть являются уже чисто псковским правом XIV—XV вв. со своими специфическими чертами.

Таковы основные работы русских ученых, посвященные исследованию Псковской Судной Грамоты, изданные до Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак, мы видим, что работ по этому вопросу издано мало. Кроме того, русская буржуазная наука вследствие своей ограниченности не могла поставить на научную основу изучение проблем Псковской Судной Грамоты. Буржуазные исследователи изучали ее в отрыве от реальной жизни, от социально-классовой обстановки в стране в момент издания грамоты. Так, в частности, вопрос о времени издания Грамоты сводился ими к манипуляции с датой указанной в самой Псковской Судной Грамоте.

Работы Устрялова и Энгельмана, посвященные историко-юридическому исследованию Грамоты, хотя и давали юридический анализ ее статей, однако он проводился в отрыве от социально-экономических условий древнего Пскова. Метод, которым они пользовались, ничего, кроме путаницы, дать не мог, так как они руководствовались порочной методологией, исключающей возможность правильного использования историко-сравнительного изучения памятников права.

Только советские ученые, вооруженные методом материалистической диалектики, могут и должны поставить на подлинно научную основу изучение Грамоты, дать глубокий юридический анализ ее содержания.

Советских исследователей не может удовлетворить только установление ошибки, допущенной писцом при переписывании грамоты. Время ее издания они связывают с социально-экономической обстановкой и классовой борьбой в стране. Они исходят из того, что Грамота была издана в период сложной внутренней и внешней обстановки в стране. Вопрос же об ошибке переписчика при переписывании Грамоты является второстепенным, хотя и не лишенным определенного значения в источниковедении.

Первым серьезным исследованием, изданным после Великой Октябрьской социалистической революции, является работа М. К. Рожковой,

специально посвященная происхождению и составу Псковской Судной Грамоты¹². Вопрос о содержании Грамоты автор не затрагивал.

Рожкова полагает, что Грамота составлена не единовременно, а на протяжении полутора веков, а именно с начала XIV в. до 1467 г.

До Рожковой исследователи обычно считали, что последние 12 статей Грамоты (со 109-й по 120-ю) составлены позднее всех других статей и включены в Грамоту в 1467 г. При этом ученые исходили из того, что статья 108, как видно из ее содержания, является заключительной, поэтому последующие статьи являются статьями более позднего времени. Кроме того, отрывок Псковской Грамоты со 109-й по 120-ю статью был обнаружен отдельно в летописи бывш. Московской Синодальной библиотеки, что также подтверждало ее позднейшее происхождение.

Рожкова с большой убедительностью доказала, что последняя часть Грамоты является наиболее древней по своему происхождению и должна быть отнесена к началу XIV в.

По времени составления Судной Грамоты Рожкова делит ее «а следующие пять частей: первая часть (ст. ст. 109—120) относится к началу XIV в., вторая часть (ст. ст. 1— по 57) — к первой половине XIV в., третья (ст. ст. 58—76 и 85—106) — к концу XIV—началу XV в., четвертая (ст. 107) — к первой четверти XV в. и наконец, пятая (ст. ст. 77—84 и 108) — к 1467 г.

Автор присоединяется ко взглядам тех ученых, которые относят дошедшую до нас Грамоту не к 1397, а к 1467 г. По ее мнению, 1467 г. является наиболее вероятной датой составления Грамоты не только потому, что при переписывании произошла ошибка, а пятый собор был организован в 1462 г., но и потому, что в 1467 г. Псков вынужден был, по настоянию Московского великого князя, разрешить своему князю держать наместников во всех двенадцати пригородах, а не в семи, как это было прежде. Это заставило псковичей принять Грамоту, поставившую своей целью оградить права жителей Пскова от княжеского произвола.

Кроме того, Судная Грамота не может относиться к 1397 г. еще и потому, что князь Константин, Грамота которого была положена в основу Псковской Судной Грамоты, княжил во Пскове в начале XV в.

Под князем Александром Рожкова подразумевает Александра Михайловича Тверского. Она считает, что Грамота не может относиться ко времени княжения Александра Невского потому, что Псков в эпоху Александра Невского не имел еще политической самостоятельности, будучи пригородом Новгорода.

Упоминание в Псковской Судной Грамоте о том, что она «выписана из великого князя Александровы Грамоты и из княж Костянтиновы Грамоты», нельзя понимать в том смысле, что эти две Грамоты вошли полностью в состав Псковской Судной Грамоты. Рожкова допускает возможность включения в состав Псковской Грамоты лишь некоторых частей упомянутых княжеских Грамот.

Давая характеристику Псковской Судной Грамоте, Рожкова называет этот документ «чрезвычайно ярким образчиком права переходного периода»¹³.

Поясняя далее, что именно она понимает под правом переходного времени, Рожкова пишет, что Грамота была составлена «в эпоху перехода от феодального строя к самодержавию»¹⁴.

Это утверждение Рожковой неправильно. Во-первых, нельзя говорить о переходе от феодального строя к самодержавию (т. е. абсолютной монархии), так как самодержавие (абсолютная монархия) само представляет форму феодального государства на последнем этапе его развития, во-вторых, в это время на Руси еще не было самодержавия, которое стало складываться лишь во второй половине XVII в.

Нельзя также согласиться с утверждением автора о том, что Псковская Судная Грамота в ст. 58 указывает уже на членовредительные наказания — дыбу. Еще Владимирский-Буданов разъяснил, что «всадити его в дыбу» значило заковать виновного в колодку, состоящую из двух досок, имевших посредине выемку, а по концам петли и замки¹⁵.

В 1940 г. в «Исторических записках» № 6 помещен тщательно выполненный новый перевод и комментарий Псковской Судной Грамоты Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева. В комментарии авторы излагают свои взгляды на основные проблемы, связанные с исследованием Псковской Грамоты. Они считают 1467 г. датой оформления Грамоты. Дата же, указанная в самой Псковской Грамоте, — 1397 г. — является, по их мнению, начальным моментом составления Грамоты. В отношении упоминаемого в Грамоте князя Александра они присоединяются к большинству исследователей, считавших, что под князем Александром следует понимать не Александра Невского, а Александра Михайловича Тверского.

Авторы придерживаются следующей системы Грамоты. Все статьи они делят на девять самостоятельных частей:

1. Ст. ст. 1, 7—13, 20—27, 34—37, 46—50. Грамота князя Александра, которая легла в основу окончательной редакции Псковской Судной Грамоты.

2. Ст. ст. 14—19, 28—33, 38—41, 45. Устав, регулирующий область гражданских правоотношений.

3. Первые 50 статей, за некоторыми исключениями, и составили первую редакцию Псковской Грамоты, утвержденную на вече в 1397 г.

4. Ст. ст. 52—71 являются дополнением к первым двум частям или содержат нормы, регулирующие отношения Пскова с князем.

5. Ст. ст. 101 —107 являются вторым дополнением к первым двум частям.

6. Ст. ст. 42—44, 51, 63, 75, 76, 84—87 представляют собой нормы Устава об изорниках.

7. Ст. ст. 72, 74, 88—92, 94, 95, 100. Это специальные отделы Грамоты, посвященные нормам наследственного права и долговому обязательству.

Глава II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

В предыдущей главе мы выяснили самые разнообразные точки зрения на время издания Псковской Грамоты. Тем не менее все разнообразие взглядов на этот вопрос можно свести к следующим основным группам.

Из русских буржуазных исследователей Псковской Судной Грамоты только один Калачов считал более правильным датировать Псковскую Судную Грамоту 1397 г., т. е. тем годом, который указан в самой Судной Грамоте. Что же касается 1467 г., то в этом году, по его мнению, были сделаны лишь приписки к ней.

Большинство русских буржуазных исследователей (Мурзакевич, Устрялов, Мрочек-Дроздовский и др.) считали наиболее вероятной датой ее издания 1467 г, полагая, что 1397 г., г. е. дата, указанная в самой Грамоте, является простой опиской переписчика.

Владимирский-Буданов, Дьяконов и другие, желая примирить эти две крайние точки зрения на вопрос о времени издания Судной Грамоты, считали, что в 1397 г. была произведена первая кодификация, а в 1467 г. — окончательная кодификация псковского законодательства. Большинство исследователей были согласны с тем, что в 1467 г. на вече была утверждена Судная Грамота в составе 108 статей. Последние 12 статей (со 109-й по 120-ю) были изданы уже после 1467 г. При этом исходили из того, что ст. 108 является заключительной, после чего были сделаны позднейшие дополнения.

В ст. 108 говорится следующее: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте не любя будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот».

Это предположение подкреплялось еще и тем, что последние 12 статей были обнаружены Карамзиным отдельно в другом списке, что свидетельствовало об их более позднем, чем первые 108 статей, происхождении.

Советские историки, изучая Псковскую Судную Грамоту, внесли в советскую историческую науку много нового и интересного, что пролило свет на многие вопросы Грамоты, в частности, и на вопрос о времени ее издания.

М. К. Рожкова пришла к выводу, что Грамота составлена на протяжении полутора веков, а именно — с начала XIV в. до 1467г. Она с большой убедительностью опровергла мнение русских дореволюционных ученых, считавших последние 12 статей составленными уже после 1467 г. Она доказала, что эта последняя часть Грамоты является наиболее древней по своему происхождению и должна быть отнесена к началу XIV в.

Л. В. Черепнин, один из самых крупных исследователей Псковской Судной Грамоты, решительно отрицает 1467 г. как год издания Грамоты. Он выдвинул новую точку зрения в вопросе о времени ее издания. Он считает не 1467, а 1462 г. наиболее вероятным годом ее издания. 1397 г. он рассматривает как дату первой редакции Грамоты.

Один из последних исследователей Псковской Судной Грамоты Б. Б. Кафенгауз полагает, что последняя переработка псковского законодательства в дошедшей до нас Судной Грамоте имела место не в 1467, а в 1474—1475 гг. В 1397 г., по его мнению, произошла первая кодификация псковского права.

Таким образом, и среди советских исследователей нет полного единодушия в вопросе о времени издания Псковской Судной Грамоты.

М. К. Рожкова, С. В. Юшков, А. И. Яковлев считают, что издание Псковской Судной Грамоты относится к 1467 г., Л. В. Черепнин — к 1462 году и Б. Б. Кафенгауз — к 1474—1475 гг.

Характерно, что ни один советский историк не считает 1397 г., указанный в самой Грамоте, годом ее издания последние этапом кодификации псковского законодательства. Да и в самой Судной Грамоте содержится указание на то, что она не могла быть издана в это время? Так, в самом начале Судной Грамоты говорится: «Си грамота выписана... из княж

Костянтиновы грамоты...». Следовательно, Грамота князя Константина была одним из источников Псковской Судной Грамоты. Однако известно, что во Пскове княжил всего лишь один князь, носивший имя Константин. Это был князь Константин Дмитриевич, брат Московского великого князя Василия Дмитриевича, княживший во Пскове в 1407 и 1414 гг. Таким образом, Псковская Судная Грамота могла быть издана не ранее начала XV в., когда была издана Грамота князя Константина, вошедшая частично в состав Псковской Судной Грамоты. Кроме того, 1397 г. не может быть достоверной датой издания Судной Грамоты еще и потому, что она издана, как указывается в самой Грамоте, «по благословению отец своих попов всех 5 соборов...». Между тем в 1397 г. во Пскове было всего лишь два собора. Третий собор был учрежден в 1417 г., четвертый — в 1453 г., пятый — в 1462 г. и шестой — в 1471 г.

Все это дает нам основание утверждать, что здесь имела место описка при переписывании Судной Грамоты, или 1397 г. следует рассматривать как один из этапов кодификации псковского законодательства.

Большинство советских историков придерживаются той точки зрения, что издание Грамоты относится к 1467.

Для доказательства достоверности этой даты обычно приводятся следующие доводы. При переписывании Судной Грамоты могла произойти ошибка. По ветхости или неясности первоначального текста переписчик вместо ? S Ц О Ё (6975), т.е. 1467 г., написал ? S Ц Ё (6905), или 1397 г. Таким образом, переписчик, опустив цифру О (70), искажил подлинную дату издания Грамоты, т. е. 1467 г.

Кроме того, в 1467 г. во Пскове произошли весьма важные события, заставившие псковичей издать Судную Грамоту именно в этом году. В 1467 г. во Псков прибыл в качестве наместника великого князя Московского князь Ф. Ю. Шуйский. Он предъявил требование псковичам разрешить ему держать своих наместников не в семи пригородах, как это было до сих пор, а во всех двенадцати пригородах Пскова. Не желая вступать в конфликт с великим князем Московским, псковичи вынуждены были согласиться на это требование, нарушавшее исконные права псковичей.

Это событие псковский летописец зафиксировал следующим образом: «А из веков княжие наместники не бывали, сколько ни есть князей было во Пскове на столу. А наместники княжий были только на семи пригородах Псковских»²⁴.

Но удовлетворив незаконные требования князя Шуйского, псковичи для ограждения своих прав от княжеского произвола в дальнейшем

утвердили на вече Судную Грамоту, в которой были указаны права приглашаемых ими князей.

Таковы доказательства в защиту того положения, что Псковская Судная Грамота была издана в 1467 г. Сильной стороной этой точки зрения, несомненно, является то обстоятельство, что 1467 г. совпадает с указанием в самой Судной Грамоте на существование пяти соборов (пятый собор во Пскове был учрежден в 1462 г.).

Однако эта точка зрения имеет и свои слабые стороны. Прежде всего неубедительной является ссылка на опisku переписчика при переписывании текста Судной Грамоты. Утверждение, что переписчик опустил по ошибке цифру О (70), является в значительной мере искусственным и надуманным. Ведь можно придумать пропуск любой цифры в дате, указанной в Судной Грамоте.

Такое предположение было бы убедительным только в том случае, если бы удалось доказать, что именно в этом году произошли весьма важные события, заставившие псковичей издать Судную Грамоту. Конечно, приезд князя Шуйского и расширение его прав сыграли значительную роль в жизни Пскова. Но ведь в бурной истории Пскова XV в. было много еще более важных событий, и логично допустить, что Судная Грамота должна быть издана именно в связи с ними.

Кроме того, ни летопись, ни другие документы того времени не подтверждают ни прямо, ни косвенно это предположение. Поэтому ссылка на 1467 г. как год издания Судной Грамоты не может нас удовлетворить как основанная не на точных данных и фактах, а лишь на догадках и предположениях.

Проф. Черепнин, считая, что Судная Грамота была издана в 1462 г., обосновывает это следующим образом. Этому году предшествовали весьма серьезные события. В 1461 г. великий князь московский Василий Темный, в нарушение прав псковичей избирать князей, назначил наместником во Псков князя Владимира Андреевича, которого псковичи изгнали, мотивировав это тем, что он «приеха не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ». Сын Василия Темного Иван III, не желая раздражать Псков, разрешил псковичам избирать князей, как это было раньше, оставив за собой лишь право их последующего утверждения. Это событие, по мнению проф. Черепнина, и является наиболее вероятным годом составления Псковской Судной Грамоты.

Кроме того, в подтверждение своего предположения проф. Черепнин дает свой вариант допущенной переписчиком описки, переписчик, встретив в оригинале дату ? S Ц О (6970), или 1462 г., вследствие сходства О с Е по

ошибке написал ? S Ц Ё (6905), или 1397 г. «Во всяком случае, — указывает проф. Черепнин, — подобное объяснение более правдоподобно, чем пропуск одной буквы в ее числовом значении»²⁵.

Сильным аргументом новой версии, выдвинутой проф. Л. В. Черепниным, является совпадение предположенной им даты (1462) с указанием в самой Псковской Грамоте на существование пяти соборов.

Однако нам представляется, что ссылка проф. Черепнина на события во Пскове в 1461 г. не имеет каких-либо преимуществ по сравнению с событиями 1467 г. Кроме того, это предположение не подтверждается прямо или косвенно какими-нибудь документами

Ссылка на описку переписчика также мало убедительна. Вряд ли является более правдоподобным указание на замену одной цифры другой, чем ее пропуск.

Оригинальная точка зрения проф. Черепнина хотя и подкупает нас своим тонким анализом документов и смелыми предположениями, тем не менее не основана на точных данных и поэтому не может считаться достоверной.

В заключение остановимся на разборе точки зрения проф. Б. Б. Кафенгауза, допускающего, что начальным моментом псковского законодательства является время Александра Невского, а кодификация псковского права была произведена в 1397 г. и в 60-х гг. XV в. Однако последняя переработка псковского законодательства в дошедшей до нас Судной Грамоте имела место не в 1467, а в 1474—1475 гг.

По мнению автора, в 1467 г. не было крупных событий во Пскове. В этом году новый князь Ф. Ю Шуйский мирно присягнул Пскову. Другое положение мы наблюдаем в 1474 г., когда после ряда лет бурных событий во Пскове происходят споры между князем Ярославом и псковичами, от которых князь потребовал увеличения княжеского дохода от суда и «езды вдвое»²⁶.

Псковичи отправили посольство к Ивану III с жалобой на его ставленника. Но Иван III потребовал предоставления ему тех псковских грамот, которые определяли взаимоотношения псковских князей с псковичами, сказав: «...ми положите прежних князей великих грамоты пошлинные»²⁷.

Для подтверждения правильности своих старинных прав псковичи вынуждены были в спешном порядке переработать действующую Судную Грамоту и представить ее Москве в приемлемой для себя форме.

Однако доводы автора не убедительны. Трудно допустить, чтобы псковичи только ради доказательства Ивану III своих исконных прав должны были специально перерабатывать Судную Грамоту. Это не вызывалось необходимостью, так как действовавшая Судная Грамота в достаточной степени защищала интересы псковичей. Напротив, спешная переработка псковского законодательства была бы неубедительной для Ивана III. Это было тем более невероятно, что наместники великого князя московского не один десяток лет сидели во Пскове и прекрасно знали содержание псковских пошлин. К тому же псковичам и незачем было производить переработку псковских пошлин. Эти пошлины уже давно определяли размер доходов псковских наместников. Поэтому спор псковичей с наместником был основан на псковских пошлинах. Другое дело — притязания наместника. Чувствуя, что псковичи крайне нуждаются в помощи Москвы от нападения немцев, ставленник Москвы князь Ярослав Васильевич настойчиво требовал увеличения своих доходов. Это требование было основано не на псковских пошлинах, а на силе.

Таким образом, указание проф. Б. Б. Кафенгауза на 1474—1475 гг. как на годы окончательной кодификации ооновского законодательства являются неубедительными. Кроме того, эта дата находится в противоречии с числом соборов во Пскове, указанных в самом начале текста Судной Грамоты (пятый собор был учрежден в 1462 г., а шестой — в 1471 г.).

Кроме того, нами не может быть принято утверждение проф. Б. Б. Кафенгауза о том, что под грамотой Александра следует иметь в виду Грамоту Александра Невского, а не Грамоту Александра Михайловича Тверского. Мы должны согласиться с теми исследователями, которые считали, что при жизни Александра Невского Псков был пригородом Новгорода, а не являлся самостоятельным государством. Против утверждения проф. Б. Б. Кафенгауза свидетельствуют также следующие факты. Иван III, потребовав от псковичей грамоты, определявшие их взаимоотношения с князьями, вернул эти грамоты с указанием, «что деи то грамоты не самих князей великих»²⁸.

Если бы речь шла о Грамоте Александра Невского, то вряд ли Иван III мог так выразиться, ибо вликие князья московские считали Александра Невского своим предком. Очевидно, речь шла о Грамоте Александра Михайловича Тверского, которого московские князья считали своим врагом и не называли его великим князем.

Таковы взгляды советских исследователей на время издания Псковской Судной Грамоты. Однако мы не можем согласиться ни с одной из указанных здесь точек зрения. Состояние изучения Судной Грамоты в настоящее время не дает оснований для изложенных выше утверждений.

Изучая этот вопрос, мы должны прийти к следующему выводу.

Анализ текста Судной Грамоты с несомненностью показывает, что последняя переработка ее текста имела место в середине XVI в. Такой вывод является еще более убедительным потому, что он совпадает с указанием в самой Грамоте на существование в период утверждения Судной Грамоты пяти соборов.

Поэтому мы должны отвергнуть точку зрения проф. Б. Б. Кафенгауза, полагавшего, что последняя кодификация псковского законодательства была произведена в 1474—1475 гг., так как эта дата противоречит ссылке самой Грамоты на существование в этот период в Пскове пяти соборов, что могло быть не позднее 1471 г.

С другой стороны, указание ученых на 1467 или 1462 гг. как годы издания Грамоты также не является убедительным.

Состояние изучения Псковской Судной Грамоты в настоящее время таково, что в нашем распоряжении не имеется точных доказательств подобных предположений. Кроме того, нас никак не может удовлетворить ссылка при этом на ошибку переписчика, который мог пропустить ту или иную цифру или вместо одной цифры написать другую. Все это может быть отнесено лишь к догадкам и предположениям не основанным, на точных данных.

Поэтому нам кажется более правильным и с научной точки зрения более обоснованным дать на этот вопрос следующий ответ.

Последняя переработка псковского законодательства была произведена в середине XV в., точнее между 1462 и 1471 гг. (т. е. когда в Пскове было пять соборов). Дальнейшее изучение этого вопроса и открытие новых данных позволят в дальнейшем установить точную дату ее издания.

Глава III

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ПСКОВА

Псков, или в древности Пльсков, или Плесков, является одним из древнейших русских городов. Время его возникновения долго оставалось неизвестным. Только в 1948 г. советскими археологами было установлено, что Псков как город возник в конце VIII в. Русские летописи впервые упоминают Псков под 903 г., указывая, что он существовал уже во времена первых киевских князей Князь Игорь Рюрикович взял себе в жены Ольгу, родом из Пскова («И приведоша ему жену от Плескова именем Олгу»),

Первоначально Псков входил в состав Киевской Руси, но после того, как Новгород вышел из подчинения Киевского государства, Псков превратился в один из пригородов Новгородской республики.

Псков как пригород Новгорода должен был по требованию последнего собирать рать, средства на государственные нужды, возводить укрепления, участвовать в походах. Новгород назначал во Псков посадника и княжеского наместника, а Новгородский архиепископ — своего наместника из числа новгородских граждан для управления церковью, а также производства суда и сбора пошлин.

В XII в. мировые торговые пути, вследствие упадка Киева и набегов кочевников с юга, переместились на Оевер, к берегам Балтийского моря. В это время возникает оживленная торговля между странами Северной Европы.

Псков находился на удобных путях сообщения. Он был расположен при слиянии рек Великой и Псковы. По реке Великой и ее притокам Псков был связан с районом Западной Двины, а по притоку реки Великой — Черехе — с Новгородом. Через Псков велась торговля новгородские и московские купцы с западноевропейскими странами.

Во Пскове господствовала феодально-крепостническая система хозяйства. Ее основу составляли пашенное земледелие и скотоводство. Большую роль в экономике страны играло рыболовство, охота и пчеловодство.

До XI в. сельское хозяйство велось преимущественно мелкими производителями — «смердами», имевшими свое хозяйство и обрабатывавшими общинную землю, которая периодически переделывалась и предоставлялась отдельным «смердам» в пользование в виде наделов.

Начиная с XI—XII вв. происходит процесс образования крупной феодальной поземельной собственности, причем этот процесс во Пскове, как и на всей территории Киевской Руси, обуславливался одними и теми же причинами. Именно в этот период все больше и больше углубляется и расширяется процесс разложения крестьянской общины. Усиливается процесс отделения ремесла от земледелия, расширяется внутренняя торговля, растет число городов.

Господствующий класс Пскова, имея в своем распоряжении основные средства производства и политическую власть, постепенно превращает общинников в феодально-зависимых, крепостных крестьян. В связи с этим бояре и монастыри захватывают в свои руки общинные земли и организуют крупное боярское и монастырское землевладение. Этот процесс особенно усиливается в XIII—XIV вв. Так во Пскове укрепляется крупная феодальная

поземельная собственность и расширяют феодально-крепостнические отношения.

Вместе с тем значительное место в экономике Пскова также занимали ремесла и торговля. Это объяснялось тем, что Псков занимал выгодное географическое положение. Из ремесел наибольшее значение имело строительное дело. Псковские летописи упоминают строителей церквей, палат и городских стен. Далее упоминаются художники-иконописцы, а также расписчики церквей и палат. Большое распространение во Пскове имели такие ремесла, как кожевенное, скорняжное, суконное, портняжное, сапожное, шапочное, горшечное и т. д.

Псков вел оживленную торговлю с азиатскими странами, Византией, Западной Европой и русскими княжествами.

Псков вывозил в другие страны рожь, лея, пеньку, хмель, солод, воск, рыбий жир, а ввозил железо, олово, свинец, золото, серебро, вино, сельди, оружие и предметы роскоши.

Вследствие этих причин Псков начинает быстро расти, превращаться в крупный центр торговли и ремесла. Вскоре он настолько вырос, что превратился в крупнейший центр русской торговли с Прибалтикой, успешно конкурируя с самим Новгородом. В условиях развивающихся феодальных отношений стремление Пскова к политической самостоятельности является закономерным процессом.

Это стремление вызывалось не только экономическими причинами. Было еще одно обстоятельство, толкавшее Псков на разрыв с Новгородом. Псков находился в непосредственном соседстве со Швецией, Литвой и немцами. Таким образом, этот город был форпостом русских земель на западе. Он часто подвергался набегам немцев и литовцев, стремившихся овладеть богатым городом. Особенно часто лападали на Псков немцы, организовавшие в начале XIII в. в разбойничий рыцарский Орден меченосцев. В 1233 г. им удалось захватить псковский пригород Изборск, но вскоре псковичи отбили его. В 1240 г. немцы снова взяли Изборск и пытались захватить Псков, но эта попытка окончилась неудачей. Тем не менее им все же удалось занять Псков с помощью группы изменников — псковских бояр, которые помогли немцам овладеть городом. Спасителем Пскова от немцев оказался великий князь Александр Невский. Он отбил русские города от псоврыцарей, а затем 5 апреля 1242 г. нанес им на льду Чудского озера решительное поражение, известное в истории русского народа под названием Ледового побоища.

Однако уже в 1253 г. немцы вновь нападают на Псков, но терпят поражение. Так в непрерывной борьбе на протяжении ряда веков Пскову

приходилось отстаивать свою свободу и независимость от нашествия заклятых врагов — немцев. Новгород, в подчинении которого находился Псков, не всегда своевременно приходил ему на помощь, тем более что сам Новгород в военном отношении также был слаб. Дальнейшая история Пскова — это процесс его обособления от Новгорода, закончившийся выходом Пскова из-под зависимости Новгорода.

С середины XIII в Псков признает господство Новгорода лишь номинально. В это время без ведома Новгорода псковичи приглашают на княжение выходца из Литвы князя Довмонта, сидевшего на престоле во Пскове с 1266 по 1299 г. Он очень скоро обрусел и женился на внучке Александра Невского.

Князь Довмонт поддерживал хорошие отношения с Новгородом, защищал Псков от постоянных нападений немцев и литовцев.

Не надеясь на помощь Новгорода и не имея достаточно собственных сил для отражения врагов, Псков встал под защиту Литвы, которая объединяла, кроме собственно литовских земель, и некоторые русские княжества.

Уже с 1323 г. псковичи начинают приглашать князей из Литвы, надеясь получить поддержку Литвы в случае военных столкновений с врагами. Однако Новгород не признал самостоятельности Пскова и попрежнему считал его своим пригородом.

В 1348 г шведы, собрав многочисленную армию, напали на Новгородскую землю. Новгород обратился за помощью к Пскову, взамен чего Новгород согласился признать самостоятельное существование Пскова в селе Болотово. Был заключен так называемый Болотовский договор между Псковом и Новгородом. По этому договору Новгород отказался от всяких притязаний на Псков, признав его своим младшим братом. Новгород перестал посылать во Псков своих посадников и изъясил псковичей из своей

юрисдикции. Новгородский архиепископ хотя и сохранил власть над псковским духовенством, должен был назначать своим наместником во Псков не новгородца, а кого-либо из жителей Пскова.

Но и после заключения Бологовского договора в 1348 году Псковское государство продолжало находиться под защитой Литвы. Добрососедские отношения с Новгородом были непрочными. Вторая половина XIV в., особенно 90-е годы, характеризуется разногласиями и недоразумениями между Псковом и Новгородом. Только в 1397 г. между ними был заключен так называемый вечный мир²⁹.

Во второй половине XIV в. в Новгороде возникла церковная оппозиция — ересь «стригольников», которая нашла своих последователей и во Пскове. «Стригольники» отрицали необходимость церковной иерархии и совершение таинств, выступали против получения духовенством вознаграждения от прихожан за совершение церковных обрядов. Церковные власти казнили наиболее видных представителей «стригольников», но эта ересь исчезла далеко не сразу.

Подобно средневековым ересям в Западной Европе, ересь «стригольников» являлась одной из форм борьбы угнетенных масс с феодальным строем³⁰.

В конце XIV столетия Литва сделала попытку включить Псков в состав Литовского государства. В 1398 г. — литовский князь Витовт Кейстутевич заключил соглашение с магистром Тевтонского ордена о завоевании Новгорода и Пскова и о разделе завоеванных земель между собой. Литве было предоставлено право на завоевание Новгорода. Тевтонский орден за отказ в будущем от всяких притязаний на новгородские земли получал право один или соединенными силами союзников захватить Псковскую землю.

Реализуя это соглашение, литовский князь Витовт Кейстутевич в этом же году приказал своему родственнику Ивану Андреевичу, княжившему в то время во Пскове, выехать из Пскова, а затем объявил войну Пскову и Новгороду.

Тогда псковичи решили встать под защиту Московского княжества. Они обратились с просьбой к московскому великому князю Василию I Дмитриевичу прислать им на княжество князя Ивана Всеволодовича, внука великого князя Александра Михайловича Тверского. Московское княжество охотно выполнило просьбу Пскова. Так, с 1399 г. Псков стал приглашать князей из Москвы. С этого времени Псков становится под покровительство и защиту Москвы, став тем самым в более тесные отношения с носителем идеи единства русского народа — Московским княжеством.

Вступив в тесное содружество с Московским княжеством, Псков не потерял своей политической самостоятельности. Псковичи на вече избирали князей, а московские великие князья утверждали их.

Литовский князь Витовт, будучи разбит татарами на реке Ворскле, не смог осуществить поход на Псков и Новгород и вынужден был заключить с ними мир. Но псковичи уже больше не пытались становиться под защиту Литвы и не приглашали к себе литовских князей. Они тесно связали свою судьбу с Московским государством. Этот союз Пскова с Москвой был прочен, ибо псковичи, естественно, стремились к объединению с Московским княжеством, взявшим на себя задачу установления единого русского государства.

Объединение Пскова с Москвой было облегчено еще и тем, что псковичи, как и весь русский народ, были православными. Они рассматривали московских митрополитов как пастырей и руководителей русской православной церкви.

По мере усиления процесса объединения русских земель московские великие князья перестали удовлетворяться существовавшими отношениями с Псковской землей. Изнемогая в постоянной борьбе с внешними врагами, Московское государство стремилось к объединению всех сил и средств русского народа против иноземных захватчиков. Поэтому московские князья принимают меры к установлению более прочной зависимости от них Пскова.

Первым мероприятием в этой области было требование московского великого князя Василия II в 1443 г., чтобы псковский князь назывался наместником московского великого князя и поэтому присягал на верность не только Пскову, но и московскому великому князю. Псков вел в то время войну с немцами и вынужден был согласиться на требование Москвы.

Вторым мероприятием было назначение во Псков в 1462 г. псковским наместником князя Владимира Андреевича без согласия псковичей. Псков был оскорблен этим актом, но принял князя. Воспользовавшись смертью великого князя Василия II в 1462 г., псковичи прогнали присланного к ним наместника Владимира Андреевича. При этом «...иные люди на вече с степени спихнули его, и он с бесчестьем уехал в Москву жаловаться на псковичей»³¹. Иван III, узнав об этом, разгневался на Псков и в течение трех дней не допускал к себе псковское посольство. Но затем, не желая оттолкнуть Псков, отказался от права назначать наместников во Псков без согласия псковского вече. Но и псковичи обязались в будущем не изгонять наместников без согласия великого князя.

Третьим шагом на пути к усилению влияния Москвы во Пскове было требование московского великого князя в 1467 г. к Пскову разрешить вновь

назначенному псковскому князю Федору Юрьевичу Шуйскому держать во всех двенадцати, пригородах Пскова своих наместников до этого времени псковские князья имели право держать своих наместников лишь в семи пригородах, что было значительным ущемлением прав псковичей. Описывая это событие, псковский летописец указывает: «А из веков княжичи наместники не бывали, колико ни есть князей бывало во Пскове на столу. А наместники княжий были только на семи пригородах псковских»³². Не имея достаточно сил для отпора притязаниям Москвы, псковичи вынуждены были дать согласие на это требование.

Важнейшими событиями во взаимоотношениях Пскова с Москвой были события 1474—1475 гг. В 1474 г. псковичи обратились к московскому великому князю с жалобой на самоуправные действия его псковского наместника князя Ярослава. Однако Иван III не принял это посольство и отправил его обратно во Псков. В том же году Псков вновь направил в Москву посольство, которое было принято Иваном III. Последний потребовал от Пскова представления ему грамот, которые регулировали отношения великокняжеских наместников с Псковом.

В следующем году псковичи послали в Москву требуемые Иваном III грамоты и вновь пожаловались на князя Ярослава, который повысил вдвое судебные пошлины. Иван III ответил псковским послам: «...что деи то грамоты не самых князей великих, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего он у вас ныне просит»³³.

Другими словами, Иван III не считал для себя возможным соблюдать псковские законы на том основании, что они исходили не от великих князей.

Несколько позднее Иван III умело использовал восстание псковских смердов в 1483—1486 гг., чтобы еще больше упрочить свое влияние во Пскове.

Смерды в Псковской земле несли различного рода повинности и платили оброки не только своим феодалам, но и городу Пскову, что было зафиксировано в так называемой «смердьей грамоте», хранившейся в архиве Троицкого собора. Верхушка псковского боярства пыталась увеличить поступление оброков от смердов в свою пользу. Но зная, что она не найдет поддержки этого мероприятия со стороны всего веча в целом и у черных людей в особенности, бояре составили подложную «смердью грамоту». Эта грамота была положена в архив Троицкого собора, а подлинная грамота выкрадена. По подложной грамоте смерды освобождались от повинностей и платежа оброка в пользу Пскова, зато их платежи в пользу феодалов резко возросли. Узнав об этом злоупотреблении, черные люди (ремесленники и мелкие торговцы) разгромили дворы посадников. По приговору веча одного посадника казнили, а других посадников, бежавших из Пскова, заочно

приговорили к смертной казни. Смерды также восстали против своих угнетателей-бояр. Волнения продолжались три года.

Московский князь Иван III, к которому псковичи обратились с просьбой помочь восстановлению порядка во Пскове, пошел на компромисс. Он признал правоту черных людей и смердов, но вместе с тем взял под свою защиту посадников, бежавших к нему из Пскова. «И тако уляже брань о смердах», — говорится в Псковской летописи.

Буржуазные историки пытались преуменьшить значение классовой борьбы во Пскове или совсем отрицать ее наличие. Известный исследователь истории древнего Пскова второй половины XIX в. А. Никитский писал: «Псковская знать постаралась сообщить всему общественному устройству такой характер, который лишал низшие классы всякой возможности к нападению; власть князя была низведена во Пскове почти до нуля, да и посадники не могли похвастать особенным влиянием на дела... Оттого весь период самобытного существования Пскова представлял, так сказать, тишь да гладь, жизнь текла там почти невозмутимым порядком: ничего не слышно о шумных вечях, известия о междуусобной брани крайне редки, равно как редки и указания на насилия черни»³⁴.

Проф. Ключевский писал: «В Пскове незаметно ни бурных сцен и побоищ на вечевой площади перед Троицким собором, ни новгородского задора в отношениях к князьям, ни социального антагонизма и партийной борьбы»³⁵.

На самом деле во Пскове происходила острая классовая борьба. Это видно на примере следующих событий. Новгородский летописец под 1385 г., не указывая причин, пишет: «Бысть сеча псковичей промеже себе, и много бысть мертвых»³⁶. Под 1458 г. указывается: «Орибавиша псковичи зобници, и палицу привишили к по (л) зобенью, при посаднике степенном Алексее Васильевиче, а старых посадников избив на вечи»³⁷.

Можно было бы привести и другие примеры классовой борьбы во Пскове, описанные в летописях. А сколько таких примеров не было зафиксировано в летописях! Одно восстание псковских смердов в 1483—1486 гг. свидетельствует об упорной и длительной борьбе зависимых крестьян против феодального ига.

Кроме того, известны случаи, когда псковские летописцы, исходя из своих классовых интересов, предпочитали в ряде случаев замалчивать выступления народных масс против своих эксплуататоров. Под 1385 г. новгородский летописец записал следующий факт острой классовой борьбы во Пскове: «Бысть сеча псковичем промеже себе, и много бысть мертвых». Но псковские летописцы об этом ничего не сообщают.

Последние годы самостоятельности Пскова характеризуются еще большим вмешательством московского великого князя во внутренние дела Пскова. Дошла до того, что великие князья назначали своих наместников во Псков, не спрашивая согласия веча. Своим последним князем, Иваном Михайловичем Репня-Оболепским, псковичи были особенно недовольны. В 1509 г. Псков обратился к Василию III с жалобой на своего князя. Воспользовавшись этим обстоятельством, Василий III решил покончить с остатками самостоятельности Пскова. Он приказал задержать явившихся к нему высших должностных лиц Пскова, а псковичам было предъявлено требование: «...чтоб у вас вечея не было и вы бы колокол вечевой сняли; да чтоб в городе были два наместника и на пригородах наместники»³⁸.

Псковичи на вече решили подчиниться требованию Василия III. 13 января 1510 г. был снят вечевой колокол, символизировавший самостоятельность и независимость Пскова. С целью ликвидировать оппозицию во Пскове Василий III приказал переселить из Пскова в Москву 300 наиболее враждебно настроенных к Москве бояр и купцов с их семьями. Их деревни и дворы были переданы тремстам семьям, которые были переселены Василием во Псков из разных городов Московского княжества.

Так была ликвидирована самостоятельность Пскова.

С этого времени покое управлялся двумя наместниками, при которых один дьяк ведал приказными, а другой — ямскими делами. Во главе псковского гарнизона стоял воевода. Городничий наблюдал за городскими укреплениями. Судебными функциями ведали наместники и их тиуны.

Ликвидация самостоятельности Пскова представляла собой закономерное и вполне прогрессивное явление. Борьба русского народа не на жизнь, а на смерть со своими внешними врагами настоятельно требовал сплочения всех сил и средств русского народа. Это прекрасно понимали широкие народные массы Пскова, которые сочувственно отнеслись к объединению Пскова с Московским государством.

Псков не раз играл крупную роль в истории Русского государства, как форпост России против врагов на западе. Псков сыграл свою роль и в истории Советского государства. Части вновь созданной Рабоче-Крестьянской Красной Армии 23 февраля 1918 г. под Псковом и Нарвой нанесли первый могучий удар по германскому империализму, пытавшемуся задушить молодую Советскую республику.

Немецкие фашисты в 1941 г. захватили Псков и в течение трех лет хозяйничали в городе. Псковские патриоты прудью встали на защиту своей страны. Партизанское движение получило в Псковской области широкий размах. Под откос летели эшелоны с немецкими войсками и вооружением,

взлетали на воздух немецкие штабы, склады. Производились вооруженные нападения, на немцев.

23 июля 1944 г. доблестные войска Советской Армии освободили Псков. С болью в сердце увидели наши бойцы руины вместо древних памятников старины. Особенно пострадали такие исторические памятники, как церковь Ивана Предтечи, Поганкины палаты и другие. Советский народ восстанавливает все разрушенные варварами памятники русской культуры во Пскове как памятники героического прошлого русского народа.

Глава IV

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПСКОВА

В соответствии с производственными отношениями псковское общество распадалось на класс эксплуататоров — бояр, житых людей, земцев, духовенство, купцов, с одной стороны, и на класс эксплуатируемых трудящихся — черных, или молодых, людей, смердов и холопов — с другой стороны. Псковский летописец называет представителей господствующего класса «большими» людьми, а представителей трудящихся — «меньшими», или «молодшими».

Верхушкой господствующего класса во Пскове были крупные феодалы — бояре. Им принадлежало основное богатство — земля с населяющими ее феодально-зависимыми крестьянами. Бояре руководили деятельностью веча, «господы», контролировали деятельность приглашенного князя и всех должностных лиц Пскова. Они организовали торгово-ремесленные предприятия и вели обширную внутреннюю и внешнюю торговлю. Бояре избирались на все наиболее значительные государственные должности — посадников, сотских, губских старост, воевод и др. Из бояр выбирались послы, направляемые в соседние государства. Бояре не платили каких-либо податей и несли повинностей в пользу государства.

Средние феодалы назывались житыми людьми. Мелкие феодалы во Пскове носили название земцев. Они получали от Пскова земельные владения и за это обязаны были нести военную службу. Эти земли земцы не имели права продавать, закладывать или дарить. Землей они владели до тех пор, пока несли Пскову военную службу. Примером такого получения земельного владения является жалованная грамота Пскова Якову Голутвиничу, относящаяся к началу XIV в. В ней указывается: «Се желуеса Яков Голутвияич с братом Прокопом и с детемь за пот и кровь селящем Пастухом, да рыбные ловли за Великою рекою на Великом озере на Ревницы Малой, да пожни и сенье покосы. Се желуеса селит на ставити да рыбу ловити неводом да мережи. А что селище за Ревницы Малой, туда Якову не

ходити. То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече. Послухи сему Борис посадник, да Петр збиручей, да Иван збиручей»³⁹.

Буржуазные ученые, занимавшиеся историей Пскова (Беляев, Никитский, Костомаров и др.), всячески *стирались* завуалировать привилегированное положение боярства. Эти исследователи пытались доказать, что бояре во Пскове не пользовались какими-либо преимуществами по сравнению с другими классами. Вече, по их мнению, ограничивало власть бояр, а псковские законы «явно склонялись в пользу мелкой поземельной собственности против крупной...»⁴⁰.

Разумеется, эти положения не обоснованы и не находят каких-либо подтверждений в летописях и других памятниках Пскова.

Следующей группой господствующего класса было духовенство. Подобно боярству, оно владело вотчинами. Население, зависимое от монастырей, соборов и приходских церквей, жестоко эксплуатировалось духовными феодалами. Кроме того, за счет верующих строились монастыри и церкви.

Духовенство пользовалось большим влиянием на вече. Духовные лица часто направлялись в соседние государства в качестве послов. Им поручалось хранение государственной казны. Духовенство освобождалось от податей и повинностей.

Подобно купечеству, духовенство имело свое корпоративное устройство. Духовенство нескольких церквей объединялось при одной какой-либо церкви в так называемый собор. Духовенство собора избирало из своей среды двух церковных старост, управлявших делами своего собора.

Псковская церковь подчинялась новгородскому архиепископу, который управлял церковными делами Пскова через своего наместника. Это вызывало недовольство псковского духовенства, которое стремилось к известной самостоятельности. Это выразилось в том, что в 1469 г. духовенство Пскова избрало из своей среды двух старост для управления псковской церковью. Однако вследствие противодействия новгородского архиепископа и возражения московского митрополита этот порядок управления был упразднен.

Псковское духовенство располагало огромными богатствами и пользовалось известными привилегиями, что привлекало в его среду бояр и их детей. Это облегчалось тем, что игуменские и священнические должности покупались и продавались. Обычно эти должности получали те, кто мог предложить самую большую сумму. Так устанавливалась тесная связь между светскими и церковными феодалами.

Третьей эксплуататорской группой псковского общества было кулечество. Купцы не только занимались торговлей, но и владели большими землями. Они объединялись в ряды, или купеческие общины (суконщики, кожевники, мясники и т. д.), имевшие свое корпоративное устройство. На своих собраниях купцы решали вопросы, касавшиеся жизни ряда. Текущими делами яедали избираемые купцами старосты. Последние рассматривали конфликты между членами своего ряда, хранили общественные суммы и представляли интересы своего ряда перед органами власти.

Купцы города Пскова, кроме того, имели свое купеческое вече, которое избирало двух старост. И функции были аналогичны функциям старост ряда.

И. Д. Беляев, исходя из теории «севернорусского народоправства» во Пскове, представлял дело так, что псковские купцы, пользуясь своей организованностью и выступая на вече вместе с черными людьми, играли основную роль на вече и поэтому занимали руководящее положение в обществе. Он полагал, что фактически первым классом общества было не боярство, а купечество. Бояре, по его мнению, были лишь простыми исполнителями воли веча.

Между тем анализ псковских памятников показывает, что боярство и купечество выступали единым фронтом на вече против черных людей, которые, в свою очередь, боролись против своих эксплуататоров — боярства и купечества. Что же касается псковского веча, то оно выносило решения, удобные и выгодные боярству и связанному с ним на почве эксплуатации народных масс купечеству.

К классу эксплуатируемых относились черные, или младшие, люди, смерды, половники, или изорники, огородники, кочетники и, наконец, холопы.

К черным, или младшим, людям относилась основная масса городского населения — мелкие ремесленники, мелкие торговцы и др. Они платили подати, несли повинности государству по строительству городских укреплений, церквей, строительству и ремонту дорог и мостов, а в военное время участвовали в ополчении. Хотя черные люди и принимали участие в вече, но из их среды не могли быть избраны должностные лица.

Черные люди объединялись в общины и на своих общинных собраниях избирали старост, ведавших делами общины.

Смерды составляли основную массу феодальнозависимого сельского населения Пскова. Смерды — это крестьяне, имевшие свое собственное хозяйство. Они платили подати и выполняли различные повинности государству. С течением времени светские и духовные феодалы устанавливают свою

власть над смердами и заставляют их выполнять в свою пользу различные повинности и платить подати сверх тех, которые были возложены на смердов государством.

Смерды объединялись в сельские общины и судились общегосударственным судом.

Псковская Судная Грамота совсем не упоминает о смердах, а говорит лишь о «еябрах». По мнению академика Б. Д. Грекова, Псковская Судная Грамота под термином «сябры» имеет в виду крестьян-общинников, поскольку сябры — это члены одной крестьянской общины⁴¹.

Второй категорией феодальнозависимого сельского населения являлись половники. Половники — это лишенные земли и средств производства крестьяне, получившие ссуду от феодалов и работавшие на земле последних. Они платили подати и несли различные повинности лишь в пользу своего феодала. Половниками они назывались потому, что за пользование землей должны были платить йсталу, т. е. половину дохода, полученного с земли. Половник мог жить на земле феодала до тех пор, пока это было угодно последнему.

Правовое положение половников было значительно хуже, чем смердов. Половник мог уйти от своего феодала, только рассчитавшись с ним полностью, и при том один раз в году, в установленный законом срок — Филиппьево заговенье (14 ноября по ст. стилю). Уход половника без погашения задолженности феодалу рассматривался как бегство. В этом случае, а также в случае смерти половника феодал имел права в погашение долга продать его имущество. Родственники умершего не имели прав на наследство.

Половники подлежали не общегосударственному суду, как смерды, а суду своих феодалов.

Половники делились на изорников, огородников и кочетников. Изорниками назывались половники, которые селились на земле феодалов и занимались земледелием. Огородниками — обрабатывающие огороды феодалов. Кочетники занимались рыболовством.

В связи с развитием феодализма холопство не получило большого распространения во Пскове. Хотя псковские летописи и другие документы упоминают о существовании холопов во Пскове, Псковская Судная Грамота ничего о них не говорит. Это объясняется тем, что в XIV—XV вв. холопство во Пскове уже стало изживаться, и холопы ко времени издания Судной Грамоты уже не играли какой-либо существенной роли в хозяйственной жизни Пскова.

В. И. Ленин, давая характеристику феодальному государству, говорил: «И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию, и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались только помещики-крепостники»⁴².

К. Маркс называл Новгород великой русской республикой средневековья. Псков, подобно Новгороду, по форме правления также был русской республикой средневековья. Политический строй Пскова имел очень много общих черт с новгородским, хотя, конечно, имелись и некоторые различия. Как и Новгород, Псковская республика была аристократической республикой. Власть в стране осуществлял господствующий класс феодалов посредством таких органов, как Совет господ, должностных лиц — посадников и т. д.

«Когда государство было монархическое — признавалась власть одного; когда оно было республиканское — признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества,— это в обществе крепостническом»⁴³.

Все категории феодальнозависимого седьмого населения Пскова — смерды, изорники, огородники и кочетники, а также городская беднота и хочопы, не имели каких-либо политических прав. «Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно»⁴⁴.

Однако буржуазные ученые пытались доказать, что Псковская республика, в отличие от Новгорода, была не аристократической, а демократической республикой. И. Д. Беляев писал: «...власть постепенно сосредоточивалась в вече, на котором были равны и бояре, и купцы, и черные люди»⁴⁵. Но Псковская летопись и другие документы опровергают это утверждение. Боярам принадлежало основное богатство того времени — земля с проживавшими на ней крепостными крестьянами. Высшие должности в государстве занимали исключительно бояре и купцы. Они осуществляли управление в интересах господствующего класса. Вече выносило решения, удобные и выгодные господствующему классу. Вот почему черные или молодшие, люди и смерды не раз восставали против своих угнетателей, пытаясь сбросить их господство или заставить их выполнить требования акошцатируемых масс.

Совет господ или «Оснода»

Есть основания считать, что Совет господ носил также название Малого веча. Он состоял из двух посадников, избранных вечем, так называемых «степенных» посадников и всех бывших посадников. Совет господ являлся высшим государственным органом власти. Он руководил деятельностью веча, а также посадниками, и другими должностными лицами

и решал все важнейшие вопросы государственного управления. Всякий вопрос, выносившийся на обсуждение веча, предварительно обсуждался в Совете господ. Вече в большинстве случаев созывалось также по его указанию. Совет господ заседал в сенях Троицкого собора. Для созыва членов Совета господ на заседания звонили в малый, или меньший, вечевой колокол, называвшийся Корсунским веч ником.

Посадники

Высшими должностными лицами Пскова были посадники. Не желая сосредоточения власти в руках одного посадника, бояре установили порядок, при котором вече избирало двух посадников, называвшихся «степенными» в отличие от бывших посадников, называвшихся «старыми». В одной из своих последних работ⁴⁶ проф. Б. Б. Кафенгауз выдвинул иную точку зрения. Он пришел к выводу, что вече избирало из числа бояр членов Совета господ, которые назывались посадниками. В свою очередь, посадники из своей среды избирали двух посадников, называвшихся степенными, которые и являлись высшими должностными лицами Пскова⁴⁷. Под «старыми» посадниками проф. Б. Б. Кафенгауз понимает не бывших степенных посадников, а степенных посадников, продолжающих необычно долго занимать эту должность, старших по положению или по рангу⁴⁸. Однако эта точка зрения проф. Кафенгауза нуждается в дальнейшей разработке и уточнении.

Как об этом свидетельствуют летописи, посадники избирались на короткий срок — на один или два года. Как правило, посадниками были представители знатнейших боярских родов. Посадники руководили заседаниями Совета и собраниями веча. Они ставили на обсуждение веча вопросы, связанные с принятием новых законов или отменой старых. Об этой функции посадников свидетельствует ст. 108 Грамоты: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот».

Посадники направляли и контролировали деятельность всех должностных лиц во Пскове. Они вместе с князем ведали вопросом суда и управления. Во время войны они выступали в поход вместе с князем, а иногда возглавляли псковское войско самостоятельно. Посадники были обязаны следить за возведением новых укреплений и поддержанием в порядке старых.

Они ведали дипломатическими сношениями с другими государствами. В договорной грамоте Пскова с Ливонским орденом о десятилетнем мире (1417) написано: «Нас послали наши власти, посадник псковский и весь Псков...»⁴⁹.

Грамота Пскова московскому царю Ивану Васильевичу, относящаяся к 1477 г., начинается словами: «Господину Государю великому князю Ивану Васильевичу, царю всея Руси, посадники псковской степенный и старые посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и купцы, и житьи люди, весь Псков, отчина ваша, своим государем, великим князем русским и царем, челом бьем»⁵⁰.

Имя степенного посадника обычно указывалось в государственных актах, в частности, в жалованных грамотах. В жалованной грамоте, выданной Псковом в начале XIV в. Якову Голутвиничу с братом и детьми на селище Пастух и рыбные ловли на Великом озере, указывается: «То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече. Послухи сему Борис посадник...»⁵¹.

Князь

Князь во Пскове играл ту же роль, что и князь в Новгороде. Нуждаясь в военных специалистах для защиты страны, Псков приглашал князей, чаще всего русских, а в XV в. исключительно из Москвы. Вопрос о приглашении того или иного князя по рекомендации Совета господ решался вечем. Князь должен был принести на вече присягу судить по праву и не нарушать псковских законов и обычаев.

Важнейшей функцией князя была защита Пскова от нападений извне. Во время походов он командовал не только своей дружиной, но и псковской ратью. Однако в поход князь выступал не один, а вместе с посадниками, которые контролировали его деятельность и без ведома которых он не мог принимать «никаких решений». Он также наблюдал за возведением оборонительных укреплений вокруг городов.

Второй функцией князя был суд. Но и суд князь творил вместе с посадниками. Князю принадлежал суд не по всем делам, а лишь по определенным категориям дел. Так, он рассматривал дела об убийстве, кражах, опорах о поземельном владении и беглых половниках, присутствовал при судебных поединках и т. д. Судебные пошлины являлись важнейшим источником доходов князя.

Князь имел право держать своих наместников сначала в семи, а позже и во всех двенадцати пригородах Пскова. Княжеские наместники также творили суд и получали в свою пользу судебные пошлины.

К числу других функций князя относились: участие в вече, разработка вместе с посадниками и обсуждение на вече договоров с другими государствами, прием на вече иноземных послов. Кроме того, князь иногда

направлялись в качестве послов в соседние страны для переговоров и урегулирования пограничных споров.

Князь во Пскове, как и в Новгороде, не имел права приобретать в собственность землю.

Княжение прекращалось вследствие сложения князем своих полномочий или когда псковское вече «указывало ему путь», или, другими словами, изгоняло его.

Вече

Вече состояло из бояр, духовенства, купцов, житейных людей и черных, или младших, людей, объединившихся в сотни. Что же касается черных, или младших, людей, а также городской бедноты — поденщиков, чернорабочих, грузчиков и т. д., не имевших собственности в городе и не входивших в сотни, то они не могли присутствовать на вече. Феодально зависимые крестьяне и жители псковских пригородов также не имели права принимать участие в вече. Наиболее эксплуатируемая и бесправная группа населения — холопы — была лишена права участвовать в вече.

Таким образом, вече состояло из представителей господствующего класса — феодалов и купцов — и зависимых от них мелких купцов и ремесленников. Такой состав веча обеспечивал господствующему классу руководящую роль при решении вопросов, стоявших на повестке дня веча. Поэтому попытки буржуазных ученых изобразить псковское вече как сугубо демократическое учреждение, где «все равны», не выдерживает никакой критики. Вече руководилось и направлялось верхушкой господствующего класса — Советом господ — и поэтому вече принимало решения, соответствующие интересам господствующего класса.

Хотя вече считалось формально высшим органом власти, фактически высшим органом власти являлся Совет господ, который предварительно решал все вопросы и выносил их лишь на утверждение веча.

Вечу принадлежали самые разнообразные функции. Так, оно избирало и смещало всех высших должностных лиц, утверждало новые законы и отменяло старые, объявляло войну и заключало мир, принимало послов других стран, определяло поборы с населения, раскладывало подати и повинности, принимало решения о постройке городских укреплений, мостов, церквей, устанавливало меры, веса и деньги.

Вече судило высших должностных лиц, а также рассматривало наиболее важные уголовные и гражданские дела.

Собиралось вече по звону большого вечевого колокола на площади Троицкого собора. Созыв веча и руководство его работой принадлежали степенным посадникам.

В притворе Троицкого собора находилась вечевая канцелярия и архив, которыми заведывали вечевые дьяки. Вече имело свою печать, которая прикладывалась к чокументам, утвержденным вечем.

Городские и местные органы власти

В административном отношении город Псков делился на шесть концов, или районов. Каждый конец управлялся кончанским вечем с выборными кончанскими старостами во главе.

По концам производилась раскладка податей и повинностей. Каждый конец должен был вооружить на свой счет определенное количество войск, а также строить и поддерживать в порядке городские стены. Каждый конец имел в своем распоряжении денежные средства. Представители концов участвовали при заключении договоров с соседними государствами. При посылке Псковом послов за границу вместе с посадниками в посольствах участвовали представители концов. Концы, в свою очередь, делились на улицы. Члены уличной общины (суссди) управлялись уличанским вечем с уличанским старостой во главе. Уличанские старосты распоряжались денежными средствами уличной общины, вели книги со списками уличан.

Вся остальная территория Псковского государства, кроме самого города Пскова, делилась на пригороды, т. е. города, игравшие роль опорных военных укреплений, с прилегающими к ним волостями. Всего во Пскове насчитывалось двенадцать пригородов. Они управлялись так же, как и город Псков, т. е. с помощью веча и выборных должностных лиц — пригородских посадников и старост. Однако псковское вече могло назначать в пригороды и своих посадников, воевод и других должностных лиц. Кроме того, псковские князья имели право держать своих наместников сначала в семи, а с 1467 г. — во всех двенадцати пригородах.

В административном отношении пригороды подчинялись кончанским органам власти — вечу и старостам.

К каждому концу прикреплялось по два пригорода.

Пограничная территория Пскова делилась на так называемые губы, или округа, которые в свою очередь делились на волости. Во главе губы стояли губские старосты, избиравшиеся местным населением из числа бояр. Губские старосты ведали вопросами управления губы, а также творили суд.

Низшей административно-территориальной единицей Псковского государства были волости, делившиеся на несколько сел и деревень. Во главе волости стоял избираемый местным населением староста, власть которого распространялась только на черные деревни, крестьяне которых платили подати и несли повинности в пользу Пскова. Крестьяне сел и деревень, принадлежавших боярам, купцам или монастырям, были изъяты из ведения волостных властей. Управление этими селами и деревнями и судопроизводство в них находились в ведении их владельцев, за исключением наиболее важных дел, подсудных общему суду.

Глава V

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Псковская Судная Грамота является важнейшим памятником права при изучении гражданско-правовых отношений Пскова. Как известно, Русская Правда представляла собой кодекс, содержащий преимущественно нормы уголовно-процессуального права. Норм, регулирующих гражданско-правовые отношения, в Русской Правде было очень мало. Кроме того, Русская Правда совсем не упоминала норм, регулирующих земельные отношения. Псковская Судная Грамота в этом отношении существенно отличается от Русской Правды.

Больше половины всех статей Псковской Грамоты (63 статьи из 120) посвящены нормам гражданского права. Это вполне закономерно. В Киевской Руси развитие товарно-денежных отношений не стояло на таком высоком уровне, как во Пскове. Псков в XIII—XV вв вел оживленную торговлю с русскими и иноземными городами. Чрезвычайно было развито ремесло. Большим спросом на торгах пользовались продукты сельского хозяйства. Высокоразвитая экономическая жизнь Псковской республики нашла свое выражение в нормах Судной Грамоты.

Таким образом, Судная Грамота выражала в более развитом виде то русское феодальное право, которое первоначально было зафиксировано в Русской Правде эпохи Киевской Руси.

Даже последующие законодательные памятники Московской Руси XV—XVI вв., изданные после Псковской Судной Грамоты, а именно: великокняжеский Судебник 1497 г. и царский Судебник 1550 г., менее подробно и тщательно регулировали гражданско-правовые отношения, чем Псковская Судная Грамота. Это давало основание некоторым исследователям (например, Владимирскому-Буданову) считать, что великокняжеский и царский Судебники стоят значительно ниже Псковской Судной Грамоты, так как количество норм гражданского права в судебныхниках по сравнению с Судной Грамотой невелико.

В. И. Ленин указывал на следующие характерные черты феодализма. 1) господство натурального хозяйства, 2) наличие средств производства у непосредственного производителя (крестьянина), 3) личная зависимость крестьянина от землевладельца, 4) низкое, рутинное состояние техники, «ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»⁵².

Товарищ Сталин указывает.

«При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не мог убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»⁵³.

Экономической основой феодального общества является феодальная собственность на землю.

«Доход земельного собственника, какое название ни давали ему, присваиваемый им свободный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд и земельная собственность образует базис присвоения»⁵⁴.

Следовательно, главной и ведущей формой собственности в феодальную эпоху являлась земельная собственность, которая была основой могущества и силы феодалов и давала им возможность эксплуатировать феодально-зависимое сельское население и осуществлять над ним политическую власть. Поэтому власть феодала над феодальнозависимым населением была необходимой принадлежностью феодальной поземельной собственности и служила ему орудием, обеспечивающим эксплуатацию крепостных.

«Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»⁵⁵.

Маркс, давая характеристику феодальной собственности, указывал прежде всего на то, что она является собственностью сословной.

Право собственности на землю являлось привилегией двух сословий, вместе составлявших господствующий: дворянства и духовенства. Переход

земли из одних рук в другие, за весьма редким исключением, мог производиться лишь в пределах этих сословий.

Главным богатством феодального общества являлась земля, и господствующий класс, владея землей, присваивал весь прибавочный труд непосредственных производителей — крепостных крестьян. Основой феодальной эксплуатации, таким образом, является феодальная собственность на землю. Вследствие этих же причин положение сословия или отдельных лиц в феодальном обществе определяется их отношением к земле, к этому основному виду собственности.

Характерной чертой феодальной поземельной собственности является, как указывает Маркс, «иерархическое расчленение земельной собственности». Сущность этого положения состоит в том, что феодалы находились в отношениях зависимости друг от друга, составляя особую иерархическую лестницу подчинения, во главе которой стояли короли, цари, императоры. Каждый феодал владел своей землей условно, неся определенные обязанности по отношению к своему сеньору, от которого он получил землю.

Крепостные крестьяне, непосредственные производители, наделенные участками земли, были обязаны нести повинности перед феодалом. «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством ленно-зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁵⁶.

Следующей характерной чертой феодальной поземельной собственности является зависимость крестьянского населения от феодалов. Степень зависимости и подчинения крестьянского населения может быть различна, но какова бы она ни была, феодальное крестьянство должно было платить феодалу так называемую феодальную ренту.

С собственностью на землю связано не только экономическое господство феодала над зависимыми крестьянами, но и политическая власть. Феодал не только организует эксплуатацию крестьянства, но и осуществляет над ним функции государственной власти: судебные, финансовые, полицейские и т. д.

Соединение крупного землевладения с мелким крестьянским хозяйством также является одной из характерных черт поземельной собственности эпохи феодализма

Учение основоположников марксизма-ленинизма о характере феодальной поземельной собственности полностью относится и к русскому феодальному праву, хотя пути его развития по сравнению с средневековой Западной Европой имеют некоторые особые черты.

Институты гражданского права феодального общества существенно отличались от подобных институтов буржуазного общества.

В буржуазном обществе различные институты гражданского права, как, например, право собственности, представляют такую область, где буржуазия ограничивает вмешательство государства в дела частных лиц в эпоху промышленного капитализма

«Буржуа, — говорит Маркс, — не позволяют государству вмешиваться в их частные интересы и дают ему лишь столько силы, сколько необходимо для их собственной безопасности и для сохранения конкуренции»⁵⁷.

Совершенно иначе выглядят подобные институты гражданского права в феодальном обществе.

В феодальном обществе государство всячески стремится регулировать гражданско-правовую жизнь всех членов общества, вмешиваясь во все области этой жизни, путем предоставления феодальных прав и привилегий одним лицам и ограничения пользование этими правами других Маркс, характеризуя феодальное общество, писал: «Старое, гражданское общество непосредственно имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни — например, собственность и семья, форма и способ труда — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций»⁵⁸.

Интересно отметить, что, не зная этих особенностей гражданских институтов феодального общества, нельзя понять отдельные нормы Псковской Судной Грамоты. Так, ст. 75-а гласит: «Земледелец-старожил обязан подводной повинностью на землевладельца». Перед такой статьей в недоумении остановится буржуазный исследователь, не зная, как совместить эту статью со свободой лиц заключать сделку. Между тем, зная феодальный характер гражданско-правовых институтов, можно легко установить, что обязательственные правоотношения облечены здесь в форму феодальных повинностей крестьянина в пользу феодала.

Как известно, русские буржуазные историки модернизировали поземельные отношения в Московском государстве. Феодальной собственности они присваивали черты буржуазной собственности; всячески стремились скрыть те черты поземельной собственности XIV — XVIII вв., которые отличают ее от позднейшей, буржуазной собственности.

Ф. Устрялов представлял поземельную собственность в древнем Пскове не как феодальную, а как буржуазную. По его мнению, владелец земли «был полным хозяином на своей меже, пользуясь всем неограниченно и уступая это право другим»⁵⁹.

Псковской Судной Грамоте имеется ряд статей, регулирующих право собственности.

Прежде всего Судная Грамота различает имущество недвижимое (отчина) и движимое (живот). О недвижимом имуществе (отчине) упоминается в ст. ст. 88, 89 и 100, о движимом имуществе (животе) — в ст. ст. 14, 15, 31, 84, 86, 89, 100 и др.

К недвижимому имуществу относятся: пахотная земля, земля под лесом, исад, т. е. вода или рыболовный участок, двор, клеть (кладовая) и борть (пчельник).

Для лучшей защиты недвижимого имущества, принадлежащего господствующему классу, Псковская Судная Грамота обставляет приобретение и отчуждение недвижимого имущества большими формальностями, чем движимого.

Из движимого имущества Псковская Судная Грамота упоминает: серебро, платье, украшения (ст. 14), оружие, коня (ст. 31), хлеб (ст. 86), деньги (ст. 107), корову, собаку и другой скот (ст. 110).

Движимое имущество (живот) Судная Грамота делит на «животное» (скот) и «назрячее» (другое имущество).

Псковская Судная Грамота знает так называемое право выкупа отчужденной земли. Это право выкупа не распространялось на другие виды имущества, кроме земли. Право выкупа заключалось в том, что собственник земли мог продать другим лицам свою землю, но за ним и за его законными наследниками сохранялось право выкупа проданной земли в течение определенного срока. Поскольку срок выкупа не указан в Псковской Грамоте, следует предположить, что этот срок устанавливался сторонами при заключении сделки.

В ст. 13 право выкупа регулировалось следующим образом: лицо, желающее воспользоваться правом выкупа, должно было обратиться в суд с письменными доказательствами, удостоверяющими, что еще не истекло его право выкупа данной земли. Если он не мог представить письменных доказательств, то опор в этом случае решался по желанию ответчика «полем» или присягой истца.

Псковская Судная Грамота упоминает основные способы приобретения права собственности: по договорам, по наследству, по давности и приплод. В данной главе мы имеем в виду показать, как Судная Грамота регулировала приобретение права собственности по давности и приплод. Другие способы приобретения права собственности будут показаны в разделах, посвященных обязательственному и наследственному праву.

Всякое лицо, обрабатывающее участок полевой земли и имеющее на нем пашню или двор или пользующееся исадом, т. е. рыболовным участком, в течение 4—5 лет, считался собственником этой земли или воды. В случае возбуждения кем-либо спора владелец должен, в соответствии со ст. 9 Грамоты, подтвердить владение землей или водой показаниями 4—5 соседей. Если свидетели покажут, что ответчик действительно обрабатывал эту землю или пользовался водой в течение 4—5 лет, а истец за это время не заявлял каких-либо претензии к владельцу, то суд отказывал истцу, а владелец обязан был подтверждать свое право на спорную землю или воду присягой.

Таким образом, для установления права собственности на землю или на воду по давности требовалось четыре условия: во-первых, обработка земли или пользование рыболовным участком в течение 4—5 лет; во-вторых, наличие пашни или двора «а спорном участке; в-третьих, показания 4—5 свидетелей; в-четвертых, отсутствие претензий со стороны истца в течение 4—5 лет на спорную землю или воду.

Однако этот способ приобретения права собственности не распространялся на случаи спора о земле, неудобной для обработки (земля под лесом). В этом случае (ст. 10) спор разрешался в обычном порядке судом. Но если обе тяжущиеся стороны представляли грамоты на право владения спорным участком леса и при этом выяснялось, что одна и та же часть леса по грамотам оказывалась в межах обоих владельцев, то суд назначал межешников, которые устанавливали границы между владениями тяжущихся и показывали эту границу в грамотах сторон. После этого тяжущиеся присуждались к поединку. Сторона, победившая в поединке, выигрывала дело, получала правую грамоту суда на спорный участок леса.

Псковская Судная Грамота в ст. 106 зафиксировала порядок разрешения споров между владельцем земли или ульев диких пчел с сябрами, т. е. крестьянами-общинниками. Правда, необходимо отметить, что указанная статья изложена настолько неточно и неясно, что дает основания для различных толкований. Однако, эта статья дает нам возможность установить, как разрешались во Пскове подобного рода споры. Спор в данном случае мог возникнуть вследствие того, что феодал или монастырь могли приобрести земельный участок или лесной участок с ульями диких пчел у сябров, или общинников. По истечении определенного времени границы этого участка могли потерять свою определенность.

Очень часты были случаи, когда владелец этого участка, будь то феодал или монастырь, воспользовавшись неопределенностью границ своего участка с землей крестьянской общины, захватывал близлежащие земли из фонда крестьянской общины с целью расширить свою собственную запашку. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас правые грамоты Псковского государства.

В этом случае опор разрешался следующим образом: суд направлял межевщиков, которые должны были, согласно показаниям старожилков, определить границы спорного участка с землей крестьянской общины. После этого владелец участка должен был принести присягу на суде о том, что спорная земля принадлежит ему, или мог предоставить принести присягу сябрам. В этом случае присягали не все сябры, а только один из них по их поручению. Присягнувшему владельцу или сябрам выдавалась правая грамота на владение тем участком земли, который был назван под присягой своим. Следовательно, доказательством правильности границ земельного участка феодала с землей крестьян-сябров являлась его очистительная присяга.

Конечно, подобный порядок разрешения опоров между представителями господствующего класса и крестьянами-общинниками всячески облегчал отобрание земель у крестьян, что способствовало еще большему их закабалению.

Указанными нормами Псковской Судной Грамоты исчерпывается регулирование феодальной поземельной собственности во Псковском государстве. Как видно из этих статей, в Пскове существовала развитая система сделок, среди которых значительное место занимали сделки, связанные с установлением и прекращением права собственности на землю.

Одним из способов приобретения права собственности на движимое имущество являлась находка. Находке посвящена лишь ст. 47. В ней указывается, что если кто найдет какую-либо вещь, а другой признает ее своей, то дело решается так же, как решается вопрос о покупке краденой вещи на рынке введенным в заблуждение покупателем.

Покупка краденой вещи на рынке регулировалась ст. ст. 46 и 50. Порядок рассмотрения подобных споров будет показан несколько ниже, в разделе, посвященном анализу договора купли-продажи.

В заключение рассмотрим еще один из способов приобретения права собственности на движимое имущество: речь идет о так называемом приплоде, регулируемом ст. ст. 110 и 118. По ст. 118 лицо, продавшее стельную корову, не могло требовать возвращения телят, родившихся после продажи коровы. Приплод считался собственностью купившего корову.

Согласно ст. 110, истец вчиняет иск к ответчику о взыскании с него коня, коровы, собаки или какого-либо другого животного, утверждая, что это животное принадлежит ему. Если ответчик заявил на суде, что спорное животное является доморощенным, то для установления этого факта достаточно одной его присяги в том, что это животное действительно доморощенное. На этом основании суд должен был отказать истцу.

Из этого очевидно, что законодатель Пскова считал приплод настолько простым и очевидным способом приобретения права собственности, что для доказательства этого факта достаточно было очистительной присяги собственника скота для того, чтобы всякому претенденту на его скот было отказано в иске.

Такой порядок защиты права собственности соответствовал интересам только господствующего класса. Экс-платируемые массы были лишены всякой возможности защитить свои права.

Псковская Судная Грамота знала такой институт вещного права, как право пользования чужой вещью («кормля»). Кормля регулировалась ст. ст. 72, 88 и 89. Как видно из грамоты, этим правом обычно пользовался переживший супруг, который владел движимым и недвижимым имуществом умершего супруга пожизненно, при условии, что он не вступит в новый брак. В противном случае он лишался права пользования этим имуществом и оно переходило к родственникам умершего супруга.

В некоторых случаях, то завещанию наследодателя, кормля после смерти пережившего супруга подлежала переходу в собственность монастыря.

В духовной Никиты Хова (XV в.) указывалось: «...а село ж свое в Нитничи, то дает жене своей Катерины и дочери Ксенье и внуки Зановье; а как не станет в животе их, жены и дочери и внуки ево, и то село святому Николы на Могильник...»⁶⁰.

Лицо, получившее по завещанию недвижимое имущество в пожизненное пользование, в случае продажи этого имущества обязывалось выкупить проданное имущество, а в дальнейшем лишалось права им пользоваться. И в данном случае законодатель защищал интересы собственника от владеющего несобственника.

Глава VI

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Псковская Судная Грамота весьма подробно останавливается на регулировании гражданско-правовых отношений в области

обязательственного права. Статей, посвященных обязательственному праву, насчитывается около сорока. Судная Грамота различает три способа заключения договоров: устный договор, «запись» и «доску».

При заключении некоторых устных договоров требовалось присутствие «людей сторонних», т. е. свидетелей. О таком порядке заключения договоров указывается в ст. 51: «А коли изорник имет запирасться оу государя по-крутыи, а молвит так: оу тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставитл люди сторонние, человеки 4 и 5, а тым людем сказаи как прямо пред Богом, как чисто на селе седел; ино государю правда давши взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А толко государь не поставит людей на то, что изорник на селе седел; ино тот человек покруты своя не доискался».

Судная Грамота не упоминает, сопровождалось ли заключение устных договоров символическими обрядами — магарычем, рукобитием и др., имевшими место в Киевской Руси.

Вторым способом заключения договоров являлась «запись». «Запись» представляла собой письменный документ, копия которого сдавалась на хранение в архив Троицкого собора. Такая «запись» являлась в судебных спорах официальным документом, не подлежащим оспариваниям.

Запись упоминается в ст. ст. 32 и 38. Так, в ст. 38 говорится: «...а противу той рядницы не будет во святей Троицы в лари в теже речи другой, ино тая рядница по-вицзти».

Третьим способом заключения договоров была «доска». В отличие от записи «доска» была простым домашним документом, записанным на доске. Копия такого договора не сдавалась в Троицкий собор. Поэтому достоверность «доски» могла быть оспариваема, а в некоторых случаях доска не считалась достоверным документом. По ст. 30 давать деньги в долг по «доске» можно было в сумме до рубля включительно. Но если кто-нибудь предъявлял иск в сумме свыше рубля и в подтверждение своих требований представлял «доску», то такой документ не имел силы, и если ответчик не признавал этот долг, то истец проигрывал дело.

Таким образом. Судная Грамота знает несколько-способов заключения договоров в отличие от Русской Правды, где не упоминаются ни грамоты, ни записи, ни доски

Судная Грамота знает лишь два вида обеспечения обязательств порука или поручительство и залог, о которых ничего не говорится в Русской Правде. Задаток и неустойка не упоминаются в Судной Грамоте. Надо по-

лагать, что хотя экономическая жизнь и была интенсивной в Пскове, она не выработала еще эти сложные правовые формы обеспечения обязательств.

Порука (поручительство)

Институт поручительства регулировался ст. ст. 32, 33, 45 и 101. Согласно этим статьям, порукой обеспечивался долг на сумму только до рубля включительно. При займе свыше этой суммы порука не могла быть обеспечением займа. Судная Грамота указывает следующие примеры судебных споров между заимодавцем и должником, за долги которого поручился «поручник» (поручитель).

Если заимодавец предъявлял иск к поручителю, то дело решалось по желанию истца: он мог выйти на судебный поединок с ответчиком или, положив цену иска у креста, дать возможность присягнуть ответчику.

При предъявлении заимодавцем иска к поручителю должник, за которого поручался последний, представлял суду расписку об уплате долга истцу; но эта расписка являлась бесспорной только в том случае, если в архиве Троицкого собора хранилась копия расписки. В противном случае истцу предоставлялась возможность взыскать свои деньги с поручителя должника. Лицо, предъявившее иск к поручителю, должно было точно указать цену иска, в противном случае оно теряло право на иск (ст. 45).

В случае бегства должник подлежал «выдаче головой

поручителю. Это положение так прочно вошло в псковские пошрины, что если должник, за долги которого поручалось другое лицо, бежал за границу, то псковские власти обращались к соседнему государству с требованием выдачи бежавшего должника.

Так, в начале XIV в. Псков обратился к властям Риги с требованием выдачи должника Нездельца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову. Об этом сохранилась следующая грамота: «От посадника Сидора, и от Рагуила, и от всех сътских, и от всех пльсковиць к ратьманом в Ригу и к всем рижаном. Зде тировал Нездельце вашь во Пльскове с детьми, тьрговал с Кумордою и не доплатил Куморде 20 гривен серебра и полу-третие гривне серебра, а Ивана Голова, человека нашего, вьвел в поруку. А Иван в Новьгород, и он побежал к вам. И ныне учините правду, выдайте Нездильца поручнику. Зде ваша братия и дети ваши тьргуют и вьводят люди добры в поруку. И мы за виноватымь не стоим. Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Пльскове на вашей братии, а вам поведаем»⁶¹.

Выдача должников предусматривалась в различного рода международно-правовых актах Псковского государства с другими

государствами. В договорной грамоте Литовского великого князя Казимира с Псковом, относящейся к 1440 г., записано следующее: «А межы собою будучы в любви, за холопа, за робу за должника (подчеркнуто мною. — И. М.) за поручникн, за смерда, за татя и за розбоиника не стояти ни мне, ни вам, а выдати по исправе».

Так институт поручительства защищал интересы собственников и ставил в невыгодное положение должников и их поручителей.

Залоговое право

Залоговое право регулировали ст. ст. 28, 29, 30, 33, 62, 104 и 107 Судной Грамоты. Законодательство Пскова ставило в привилегированное положение залогодержателя, крупного купца или боярина, всячески ущемляя интересы залогодателя, вынужденного закладывать свое имущество с целью получения займа у ростовщика

В целях защиты интересов залогодержателя, в соответствии со ст. 30 Грамоты, денежные займы на сумму свыше рубля непременно должны были выдаваться за-тогодателю под заклад или по формальному договору. В противном случае договор считался недействительным. Такой порядок вполне устраивал имущие классы.

Судная Грамота различала два вида залога: залог движимого имущества и залог недвижимого имущества.

При залоге движимого имущества заложенная вещь переходила во владение залогодержателя впредь до уплаты долга.

Однако могли быть такие случаи, когда на суде залогодатель признавал заложенную вещь своей, но отрицал получение денежного займа. В этом случае по ст. 28 Грамоты дело решалось по желанию залогодержателя. Он мог принести присягу, и тогда он выигрывал дело, или положить у креста хранящуюся у него заложенную вещь, предоставив залогодателю присягнуть и тем самым получить спорную вещь. Судебный поединок как один из видов доказательства в этих делах не разрешался.

В случае если вещь была заложена без формального договора, а затем залогодатель сам требовал заложенную вещь или на суде заявлял, что эта вещь была отдана на хранение, то, как указывалось в ст. 30 Грамоты, суд должен был верить на слово залогодержателю относительно размера выданной ссуды. Дело решалось по желанию залогодержателя. Он мог сам принять присягу и тем самым выиграть дело или, положив заложенную вещь у креста, предоставить залогодателю присягнуть и тем решить дело в свою пользу.

Заложенное движимое имущество по своей стоимости могло быть меньше долговой суммы. Если залогодатель отказывался от своего залога и отрицал получение денег от залогодержателя, то, согласно ст. 31, заклад переходил в собственность залогодержателя, а залогодатель освобождался от уплаты долга.

Могли быть и обратные случаи, когда от получения залога и выдачи долговой суммы отказывался залогодержатель. Такой случай зафиксирован в ст. 107 Грамоты. Дело и в этом случае решалось по усмотрению залогодержателя. Он мог принести присягу в том, что у него нет заложенной вещи, и тогда он выигрывал дело, или, положив у креста цену залога, мог предложить присягнуть залогодателю. В этих случаях залогодержатель мог также вызвать залогодателя на судебный поединок.

Залогодержателю предоставлялось право по согласованию с залогодателем в любой стадии процесса (на самом суде, вплоть до последней стадии процесса — принесения присяги) уменьшить цену иска, за что он не платил пени (штраф), как обычно это требовалось в других исках. Залогодержатель мог также совершенно отказаться от своего иска к залогодателю, не требуя от последнего принесения присяги.

Все это свидетельствует о выгодном положении залогодержателя. Выступал ли он на суде в качестве истца или в качестве ответчика, все равно дело решалось по его усмотрению. Выбор доказательства предоставлялся ростовщику-залогодержателю. Он мог в любой стадии процесса уменьшить цену иска или совсем отказаться от него, не платя при этом пени. В худшие условия при споре и на суде был поставлен должник-залогодатель.

По Судной Грамоте при залоге недвижимого имущества оно не переходило во владение залогодержателя, как это имело место с движимым имуществом, а оставалось в распоряжении должника-залогодателя. Этим залог недвижимого имущества во Пскове существенно отличался от аналогичного института в Киевской Руси, а также в Московской Руси XV—XVI вв., где недвижимое имущество переходило во владение залогодержателя. Судная Грамота в ст. 104 указывает лишь один случай спора по поводу залога недвижимого имущества.

Собственник мог заложить в обеспечение займа свое недвижимое имущество нескольким залогодержателям, выдав им грамоты, удостоверяющие его право собственности на это имущество. При этом одним залогодержателя выдавались только грамоты собственника, а с другими, помимо выдачи грамот, заключались особые формальные договоры.

В случае смерти собственника для подтверждения факта залога залогодержатели, имевшие только грамоты собственника, но не имевшие формальных договоров, приводились к присяге. Залогодержатели, имевшие и грамоты собственника, и формальные договоры, к присяге не приводились. Если родственники умершего пожелали выкупить заложенное недвижимое имущество, то полученная от выкупа сумма делилась между залогодержателем и соответственно размерам займа, выданного каждым за чьего держателем собственнику заложенной недвижимости.

Судная Грамота знает следующие виды договоров купли-продажи, мены, дарения, займа, ссуды, поклажи, имущественного и личного найма и изорничества. Как видно из этого перечня договоров, Судная Грамота знает более развитую систему обязательств, чем Русская Правда. Так, Русская Правда не упоминает о договоре мены, ссуды и имущественного найма.

Договор купли-продажи

Этот вид договора регулировался ст. ст. 46, 47, 56, 106, 114 и 118. Закон и в данном случае строго ее бттю-дал интересы собственника. Так, сделка купли-продажи совершенная в пьяном виде, считалась действительной при условии, если стороны после вытрезвления признавали ее. В противном случае каждая из сторон была обязана вернуть приобретенное. При разборе дела стороны к присяге не приводились.

Объектом купли-продажи могла быть любая вещь, недостатки которой не могли быть вскрыты при совершении сделки.

Была продана больная корова. В этом случае сделка расторгалась, корова возвращалась продавцу, а деньги продавца — покупателю.

Если вещь была приобретена на рынке у незнакомого продавца, а затем какое-либо лицо заявляло суду, что эта вещь принадлежит ему, то человек, купивший вещь на рынке, должен был привести 4—5 свидетелей для подтверждения правильности его показаний. Тогда покупатель вещи не считался вором и освобождался от присяги, но должен был вернуть данную вещь ее собственнику. При этом покупатель украденной вещи не платил продажи князю и не возмещал убытков собственника вещи. При отсутствии свидетелей покупатель приводился к присяге в том, что он действительно купил вещь на рынке и не был соучастником кражи. Если он ранее не был замечен в воровстве или не подозревался в краже, то он не считался вором. И в этом случае он должен был вернуть спорную вещь собственнику, освобождаясь при этом от уплаты продажи князю и возмещения убытков собственнику.

Такой же порядок возвращения пропавших вещей применялся и в отношении вещей, купленных в чужой земле или городе.

Таким образом, собственник мог истребовать свою вещь от всякого, к кому она незаконно попала, даже от добросовестного покупателя, который при этом терял уплаченные им деньги. Так закон стоял на страже интересов собственника, купившего недоброкачественную вещь или совершившего сделку в пьяном виде.

Русская Правда совершенно не упоминает о купле-продаже недвижимого имущества — земли, дома и т. д. Между тем Судная Грамота знает подобного рода сделки с недвижимым имуществом.

В ст. 106 говорится о споре по поводу земли или лесного участка с ульями диких пчел. Лицо, купившее землю или лесной участок с ульями диких пчел у крестьянской общины, в случае спора с ними о границах участка должен был предъявить суду свою купчую грамоту, а крестьянская община — крепостные акты на спорную землю. Затем стороны приглашали межевщиков, которые, на основании купчей грамоты истца разграничивали участок истца от смежных участков крестьянской общины. После этого истец должен был присягнуть в том, что спорная земля принадлежит ему. В случае присяги он получал от суда дравую грамоту на владение спорным участком земли. Таким образом, достаточно было одной клятвы помещика, чтобы спорная земля была объявлена его собственностью. Так закон защищал интересы помещика или монастыря в случае спора их с крестьянской общиной.

Сделка купли-продажи земельного участка должна была оформляться письменными документами. При заключении сделки требовалось в обязательном порядке присутствие свидетелей.

Сохранилась купчая на землю, относящаяся к XV в. Основные условия сделки формулируются в ней следующим образом: «Се куписе Филипе поп у Хомя и у брата его у Микифора и о стрянчицех их у Якова землю, отчину их на Камне и под Ригиною горою и дедину их, и у попеня, и дворище, и вода в реке. А куда ходил Хома и брате его Микифоря и строичиць их Якове, тута ходит Филипу попу водерень. А на то послух Василь поп Микифорова Левковиць»⁶².

Договор мены.

Договор мены регулировался ст. 114. Согласно этой статье, мена могла быть признана недействительной, если стороны находились в пьяном виде и после вытрезвления одна или обе стороны признали сделку невыгодной.

Стороны возвращали друг другу полученное и к присяге как « доказательству правильности их утверждений, не приводились.

Договор дарения

Русская Правда еще не знала этого вида договора. Судная Грамота упоминает о дарении лишь в одной статье (100). Статья предусматривает дарение движимой и недвижимой собственности. Для действительности акта дарения требовалось, чтобы передача имущества и дарственной грамоты производилась в присутствии попа или «пред сторонними людьми», т. е. свидетелями. Несоблюдение этих условий влекло за собой признание недействительности акта дарения. В случае смерти дарителя получивший владел имуществом, хотя бы об этом дарении ничего не упоминалось в завещании.

Договор займа («займ»)

Заем регулировался Судной Грамотой довольно подробно. Ему посвящен ряд статей. Судная Грамота предусматривает такие вопросы займа, как формы его совершения, исполнение, «гостинец» (проценты).

Разрешалось давать займы без формальной записи или без залога на сумму до рубля включительно. Поэтому если кто-нибудь предъявлял иск на сумму свыше рубля по простой доске, не обеспеченной залогом, то в случае непризнания этого иска ответчиком истец проигрывал дело (ст. 30).

Таким образом, для признания договора займа на сумму свыше рубля действительным требовалось заключение формального договора или обеспечение займа залогом.

С другой стороны, должник, возвратив долг заимодавцу, должен был иметь у себя формальную платежную расписку, копия которой хранилась в архиве Троицкого собора. В случае спора на суде об уплате долга платежная расписка считалась недействительной, если копии расписки не было в архиве Троицкого собора (ст. 38). Далее дело решалось так, как решались дела о торговых займах, предусмотренных в ст. 101, а именно: дело решалось по желанию истца. Он мог выйти на судебный поединок с ответчиком или, положив цену иска у креста, давал возможность присягнуть ответчику. Если должник к моменту возвращения долга скрывался, то все убытки, связанные с его задержанием (пошлина приставу и содержание под стражей), взыскивались с должника.

Проценты по займам

Судная Грамота в ст. ст. 73 и 74 регулировала взимание «гостинца» или процентов по займам. Русская Правда содержала статьи, ограничивающие проценты по займам. Кроме того, она различала проценты — месячные,

третьи и годовые. Однако Псковская Судная Грамота не установила максимального размера процентов и не различала месячных, третьих и годовых процентов. По всей видимости, во Пскове размер процентов обуславливался соглашением сторон

Заимодавец мог требовать от должника «гостинец» (процент) только в том случае, если между ними заключена «запись» — формальное соглашение. Заимодавец лишался права взыскания «гостинца» в случае, если требовал от должника уплаты долга раньше истечения срока займа. С другой стороны, если должник возвращал свой долг заимодавцу раньше срока, то «гостинец» соответственно уменьшался.

Если долг с процентами не был уплачен в срок, предусмотренный соглашением сторон, заимодавец при предъявлении иска должен был обратиться в суд с тем, чтобы последний решил вопрос о начислении процентов за последующий период. В противном случае проценты уплачивались только за срок, обусловленный договором.

Из приведенных данных видно, что Грамота во всех случаях становилась на сторону ростовщиков.

Русская Правда предусматривала несколько видов несостоятельности. Однако Псковская Грамота не предусматривала последствий при неуплате займа. Лишь в ст. 111 говорилось, что в случае неуплаты одного рубля за нанесение побоев на суде своему противнику виновный выдавался головой обиженному. Остается предположить, что несостоятельный должник во Пскове также выдавался головой заимодавцу впредь до отработки своего долга.

Договор ссуды

О регулировании договора ссуды в Судной Грамоте имеются всего лишь две статьи (14 и 45). Ссуда называлась «зсудиа» или «съсудиа».

Поэтому нельзя согласиться с утверждением проф. Мрочек-Дроздовского, что «Псковская грамота называет заем ссудьем»⁶³. Для обозначения термина «заем» Судная Грамота знала специальное выражение «заим». Так, ст. 30 начиналась следующими словами: «А кто имет дават серебро в заим», т. е. кто давал серебро в заем. Необходимо отметить, однако, что Судная Грамота недостаточно четко отличает ссуду от займа, но что эти два понятия — ссуды и займа — различаются, видно из того, что они имели различные термины — ссуда «зсудиа», а заем «заим». Грамота следующим образом регулировала договор ссуды: в случае смерти собственника к его наследникам могло обратиться какое-либо лицо с требованием о возврате серебра, платья, украшений или какого-либо другого

движимого имущества, отданного им собственнику в виде ссуды. В случае оставления умевшим завещания, копия которого хранилась в архиве Троицкого собора, притязания истца признавались действительными только в том случае, если у него имелась формальная запись или заложенная умершим вещь. Простая доска без заклада не имела доказательной силы.

С другой стороны, если кто-либо при жизни собственника получил ссуду, а затем у наследников умершего не оказалось ни заложенной вещи, ни формальной записи, то наследники не имели права требовать от такого лица возвращения им ссуды. Этой единственной статьей и исчерпывается договор ссуды.

Договор поклажи («соблюдении» или «зблюдения»)

Если в Русской Правде была всего лишь одна статья [43, (49) Тр.], посвященная договору поклажи, то Псковская Грамота договору поклажи посвящает несколько статей (14, 16, 17, 18, 19, 45 и 103-а). Для признания договора поклажи действительным требовалось соблюдение следующих условий:

Заключение «записи» или формального договора. Договор по простой доске признавался недействительным.

В «записи» нужно было письменно обозначить вещи, отданные на хранение.

В случае отдачи вещей на хранение вследствие пожара, разграбления народом дома или отъезда в чужую землю иск о возврате отданных на хранение вещей должен быть предъявлен в течение одной недели после пожара, разграбления дома или приезда из чужой земли.

Если при указанных выше обстоятельствах это условие было соблюдено, но ответчик отрицал факт получения вещей на хранение, то дело решалось по желанию ответчика: он мог сам принять присягу или вызвать на судебный поединок истца, или, положив у креста цену иска, мог предоставить возможность присягнуть истцу.

Точно так же разрешался спор на суде, когда наймит, взявшийся пахать землю или пасти скот, возбуждал иск о хранении своих вещей. И в этом случае дело решалось по усмотрению ответчика, т. е. собственника.

Судная Грамота также защищала интересы наследников, получивших наследство от собственника. К наследникам умершего собственника мог быть предъявлен иск о возврате вещей, отданных на хранение еще при жизни собственника. Если наследодатель оставлял завещание, копия которого находилась на хранении в архиве Троицкого собора, то притязания истца

признавались действительными только в том случае, если у него имелась формальная запись. Простая доска не могла предъявляться как доказательство.

С другой стороны, если кто-либо при жизни счлвен-ника получил от него вещи на хранение, но у наследников умершего не оказалось формальной записи, то наследники не имели права требовать эти вещи от данного лица.

Договор имущественного и личного найма

Русская Правда совершенно не упоминала о договоре имущественного найма. В Судной Грамоте содержится всего лишь одна статья, посвященная имущественному найму, хотя можно предполагать, что такие договоры в условиях большого торгового города совершались весьма часто.

В ст. 103 говорится: «А подсуседник на государи ссудьи или иного чего волно искати». «Подсуседник» — это наниматель дома или части усадьбы. В Пскове съемщик дома или части усадьбы должен был оплачивать наем своей работой. Поэтому подсуседники находились в экономической зависимости от хозяев дома. До Псковской Грамоты подсуседники не могли обращаться в суд с иском к хозяевам дома, так как закон рассматривал подсуседников как одну из категорий зависимых людей. Судная Грамота в этом отношении делает шаг вперед, разрешая подеуссднику вчинять иски к хозяину дома по поводу обязательства, вытекающего из найма помещения.

Более подробно регулирует Псковская Грамота договоры личного найма, а именно: в ст. 39, 40, 41 и 102.

Договор личного найма оформлялся путем записи — формального договора. Но если письменного договора не было, то закон разрешал наемным работникам требовать свою заработную плату по суду, путем так называемого «заклича», то есть публичной огласки своих требований на торгу.

При отсутствии записи подобного рода споры решались по желанию ответчика. Он мог положить у креста цену иска, предоставив возможность присягнуть истцу, или мог принести присягу сам.

Наемный работник, заключив договор с хозяином на Уизвестный срок, мог уйти от него и раньше истечения срока. В этом случае он получал плату соответственно проработанному времени. Исковая давность была уста установлена по этим делам сроком в один год. По истечении года работник терял право на предъявление иска к своему хозяину.

Судная Грамота упоминает случай спора хозяина-мастера с учеником, которого мастер обязался обучить какому-либо ремеслу. Если ученик

утверждал, что он уплатил мастеру за обучение, а мастер отрицал это, то дело решалось по желанию мастера-хозяина. Он мог принести присягу в том, что ученик действительно должен ему определенную сумму, или предоставить возможность ученику принести присягу.

Таким образом, во всех случаях споров помещиков, купцов с наемным работником закон стоял на стороне собственников, охраняя и защищая их интересы. Обычно дело решалось по желанию собственника. Закон устанавливал весьма короткие сроки иска наемных работников к их хозяевам и тем затруднял им возможность получить с собственника заработанные деньги.

Изорничество

Подобно институту закупничества эпохи Русской Правды, Псковская Судная Грамота знает аналогичный институт изорничества. Вопрос о юридической природе изорничества оживленно обсуждался дореволюционными историками и историками права. Этот вопрос также не раз поднимался и советскими историками. Акад. Б. Д. Греков все разнообразие мнений по этому вопросу делит на три группы. К первой группе он относит высказывания тех ученых, которые понимали под изорниками «свободных арендаторов чужой земли» (Ключевский, Сергеевич, Филиппов, Владимирский-Буданов, Богословский и др.). Во вторую группу он включает мнения тех ученых, которые считают изорников зависимыми крестьянами (Павлов-Сильванский, Аргунов и др.). И, наконец, к третьей группе «относятся те, кто считает изорников социальным типом, близким дрегнерусскому закупу «ли московскому серебряннику»⁶⁴ (Устрялов, Мрочек-Дроздовский, Кафенгауз и др.).

Акад. Б. Д. Греков следующим образом определяет институт изорничества: «...изорник — не обычного типа крестьянин. Это лишенный средств производства вольный человек, вынужденный сесть на чужую землю, не имеющий возможности стать крестьянином»⁶⁵.

В другом месте акад. Греков указывает, что сущность договора между помещиком и изорником «...заключалась в том, что лишенный средств производства земледелец, вынужденный вследствие этого искать себе пристанища, поступал в зависимость к землевладельцу, который предоставлял ему земельный участок и материальные средства (тюкруту) для обзаведения»⁶⁶

Поэтому изорника нельзя смешивать со смердом-крестьянином, который владел участком земли и имел свои орудия для обработки земли. Кроме того, смерды платили тягло государству, тогда как изорники несли повинности и платили подати только в пользу своих феодалов

Вместе с тем изорники отличались по своему правовому положению и от наймитов. Изорник — это одна из категорий феодальнозависимых людей. Наймиты не знали тех правовых ограничений, которые применялись к изорникам. Так, наймиты могли в любое время уйти от своего хозяина, даже не выполнив своих обязательств, чего не могли делать изорники.

Институт изорничества регулировался статьями: 42, 43, 44, 51, 63, 75, 76, 84, 85, 86 и 87.

Взаимоотношения между помещиком и изорником, в частности выдача изорнику «покруты», т. е. подмоги, могли оформляться путем «записи» формального документа. Но если по каким-либо причинам записи не было, то помещику предоставлялось право предъявить иск изорнику путем так называемого «заклича», т. е. объявления о долге изорника на торгу. В этом случае представления документов, подтверждающих иск, не требовалось. Когда изорник отрицал факт получения «покруты», то помещик для подтверждения своих претензий мог представить на суд 4—5 свидетелей, и, принеся присягу, выигрывал иск.

Таким образом, Судная Грамота предоставляла помещику право различными способами доказывать свой иск на суде к изорнику, т. е. путем записи, свидетельских показаний и клятвы, а если этих доказательств не было, то закон предоставлял помещику право прибегать к «закличу», по которому не требовалось представления документов.

В ином положении оказывался изорник, предъявивший иск к помещику. Так, по ст. 75 иск изорника к помещику на основании простой доски не имел доказательной силы. Будучи феодальнозависимым, изорник имел право, возвратив «покруту» и рассчитавшись с помещиком, шли монастырем, уйти к другому помещику. Однако это могло иметь место не в любое время, а лишь один раз году, а именно в день Филшпьева заговенья (14 ноября по старому стилю). Это свидетельствует о том, что процесс закрепощения крестьян во Пскове зашел так далеко, что до окончательного закрепощения остался всего лишь один шаг — отмена драва перехода от одного феодала к другому.

Глава VII

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

Судная грамота довольно подробно регулировала наследование имущества. Этому вопросу посвящено 14 статей (14, 15, 53, 55, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 94, 95 и 100).

Анализ этих форм позволяет прийти к выводу, что во Пскове наследственное право стояло на более высоком уровне, чем в Киевском государстве в эпоху Русской Правды.

Судная Грамота, как и Русская Правда, знала наследование по завещанию («приказное») и наследование по закону («отморщина»). В наследство могли передаваться не только движимое имущество («живот»), но и недвижимое («отчина»).

В Киевском государстве в эпоху Русской Правды письменная форма завещания была не обязательна. Поэтому ставится вопрос о форме завещания во Пскове. Здесь преобладала письменная форма завещания. Как правило. Духовное завещание оформлялось в виде «записи», т. е. формального договора, копия которого должна была храниться в архиве Троицкого собора. До нас дошло одно из таких духовных завещаний, относящееся к XV в. В нем говорится: «Во имя отца и сына и святого духа. Раб божий Никита Хов дает село свое на Выбуге, Кукасово сиженье, сыну своему Марку и внуку Июдуды: а двор свои и огород на Завеличеве у Изборской улице дает сыну ж своему родному Ивану; а что село ево в Смолинах, Махново сиденье, то дает святые Богородицы на Завеличье; а село ж свое в Нитничи, то дает жене своей Катерины и дочери Ксеньи и внуки Зеновье; а как не станет в животе их, жены и дочери и внуки ево, и то село святому Николы на Могилник; а клеть на огороде и село Кустово сиденье в монастырь Иоанна Предтечи, что на Завеличье, себе и родственником своим на память, А иному никому в то подание ево не вступатца ни во что. А на то послух бог и отец ево духовной Харитон поп»⁶⁷.

В отдельных случаях право на получение наследства по завещанию можно было доказать с помощью 4—5 свидетелей, которые присутствовали при устном волеизъявлении завещателя, причем эти показания свидетелей подкреплялись присягой наследника.

Предъявлять иск к лицам, получившим наследство по завещанию, можно было лишь на основании «записи» или доски, обеспеченной залогом.

Простая доска, предъявленная суду в целях получения имущества умершего, не имела доказательной силы.

По Судной Грамоте наследниками по закону могли быть переживший супруг и родственники по нисходящей линии (дети), по восходящей линии (родители) и по боковой линии (братья и сестры). В первую очередь призывались к наследованию по закону переживший супруг и дети умершего. Если их не было, то призывались родственники по восходящей линии, а если и этих родственников не было, то наследство получали братья и сестры.

Что именно такой порядок наследования по закону был установлен во Пскове, видно из анализа следующих статей. Согласно ст. ст. 88 и 89 в случае смерти жены или мужа имущество умершего наследовал переживший супруг при условии, что он не вступает во второй брак.

По ст. 85 в случае смерти изорника его жена и дети не имели права отказываться от уплаты помещику «покруты», следовательно, они рассматривались прямыми наследниками умершего изорника,

Если переживший супруг вступал в брак вторично, то согласно ст. ст. 88 и 89 он лишался права пользования имуществом умершего супруга, как движимым, так и недвижимым. Это имущество переходило к родителям умершего супруга, а при отсутствии их — к братьям и сестрам умершего. В соответствии со ст. 90 родители умершего или его родственники по боковой линии имели право истребовать от пережившего супруга, вступившего во второй брак, даже платье умершего.

По ст. 86 после смерти изорника при отсутствии у него жены, детей и родителей в наследование имущества умершего мог вступить его брат или другие родственники по боковой линии.

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что к наследованию по закону привлекались по очереди жена и дети, затем родители и, наконец, братья и сестры.

Судная Грамота устанавливала облегченный порядок разрешения споров между наследниками после смерти наследодателя. Отец, мать, сын, брат, сестра или кто-нибудь другой из близких родственников имели право предъявлять иск друг к другу на основании простой доски по поводу вещей, отданных наследодателем своим родственникам, или по поводу имущества, взятого наследодателем у кого-либо из его родственников. Этот порядок не распространялся на посторонних людей.

Судная Грамота предусматривала случай лишения наследства, зафиксированный в ст. 53. В ней указывалось, что сын, ушедший из дома и отказавшийся кормить отца или мать до их кончины, лишался своей доли наследства после смерти родителей.

Братья, получившие наследство по закону или завещанию должны были сообща владеть им, не деля на доли. Но если кто-нибудь предъявит иск к братьям о взыскании долга с наследодателя и при этом «записи» не будет, то согласно ст. 94 старший сын должен был присягнуть в том, что он не знал о существовании этого долга. Если же он признавал долг, то должен был уплатить его из общего имущества. Оставшееся имущество подлежало разделу между наследниками.

Если один из наследников неразделенного имущества брал что-нибудь из этого имущества, а затем отрицал факт присвоения, то по ст. 95 он должен был принести присягу в том, что ничего не взял. Но после этого случая совместное владение становится невозможным, и наследники имели право произвести раздел имущества.

Таким образом, наследственное имущество без особых на то причин не подлежало разделу на отдельные доли по числу наследников, а должно было оставаться в нераздельной собственности их всех. Раздел на доли мог производиться лишь в двух случаях. Во-первых, когда к наследникам предъявлялся иск о долге наследодателя и для уплаты долга приходилось продавать неразделенное имущество. Оставшуюся после уплаты долга сумму делили между всеми наследниками. Во-вторых, раздел общего имущества наследников производился тогда, когда один из наследников присваивал часть неразделенного имущества и тем самым делал совместное пользование и владение этим имуществом невозможным

Судная Грамота знает нормы, посвященные специально наследованию изорников (ст. ст. 84, 85, 86). Из этих норм видно, что закон ставил изорников в худшее положение, чем представителей господствующего класса.

После смерти изорника жена и дети согласно ст. 85 обязаны уплатить помещику «покруту», которая была в свое время получена изорником.

Если у умершего изорника не было жены или родственников по нисходящей или восходящей линии, то брат или другие родственники умершего по боковой линии могли при желании претендовать на наследство при условии, если они уплатят «покруту». При этом наследники не должны утаивать от помещика имущество умершего. Но если помещик в целях обеспечения «покруты» брал лошадь или корову умершего изорника, то наследники могли требовать это имущество по суду (ст. 86)

В случае отсутствия родственников у умершего изорника помещик имел право продать его имущество для получения выданной изорнику «покруты». Если затем и выявлялись родственники, они не имели права требовать с помещика возвращения проданного им имущества (ст. 84). Все это заставляет нас прийти к выводу, что, подобно тому, как в Киевской Руси в эпоху Русской Правды различалась наследование после смердов и после бояр, в Псковском государстве также различалось наследование после изорников и после помещиков.

Глава, VIII

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Понятие преступления во Пскове значительно изменилось по сравнению с понятием преступления, существовавшим в эпоху Киевской Руси. Русская Правда под преступлением понимала нанесение какого-либо материального, физического или морального ущерба отдельному лицу или лицам. Русская Правда еще не упоминала о преступных деяниях, направленных против государства в целом или против отдельных должностных лиц. Конечно, на практике в Киевской Руси существовали государственные преступления, и они жестоко наказывались государственной властью. Об этом упоминается в летописях. Но в Русской Правде об этом ничего не говорилось.

Большим шагом вперед в развитии понятия преступления по русскому праву является понятие преступления, данное Псковской Судной Грамотой. Под преступлением подразумевался не только вред, причиненный отдельному частному лицу, но и государству в целом. Поэтому Судная Грамота упоминает политические преступления, о которых ничего не говорится в Русской.

По Русской Правде преступление называлось «обидой». Псковская Судная Грамота не содержит специального термина для обозначения понятия преступления.

Субъектами преступления по Псковской Судной Грамоте были представители господствующего класса — бояре, купцы и житои люди, а также посадские люди и различные категории феодальнозависимого сельского населения, — изорники, огородники и кочетники.

Во Пскове наряду с феодальнозависимым населением были и холопы, что подтверждают летописи и другие документы. Однако Псковская Судная Грамота не упоминает о холопах вообще и об их убийстве, в частности, Русская Правда не считала преступлением убийство господином своего холопа. Убийство чужого раба рассматривалось лишь как нанесение материального ущерба его хозяину. Нет никакого сомнения в том, что холопы во Пскове находились в такой же бесправии и угнетении, как и в Киевской Руси. Можно допустить, что положение холопов во Пскове регулировалось нормами Русской Правды. Поэтому псковскому законодательству не было необходимости повторять в этом отношении Русскую Правду. Бесправие холопов являлось характерной чертой и псковского права.

Если преступление совершило одно лицо, то это лицо должно было уплатить вознаграждение потерпевшему и продажу в пользу князя, предусмотренную законом.

В случае совершения одного и того же преступления несколькими лицами виновные несли долевую ответственность, т. е. все вместе они должны были уплатить причитавшееся потерпевшему вознаграждение и продажу в пользу князя. А потерпевшие, независимо от их числа, получали все вместе предусмотренное законом вознаграждение.

В ст. 120 читаем «Кто оучнет на ком съчить бою, пять человек, или десять, или сколько ни будеть, на 5, или на одном, боев своих, да оутяжут; ино им присужати всим, за вси боеви, един рубль, и княжая продажа одна».

Другими словами, если любое количество потерпевших предъявит обвинение в побоях к любому числу виновных, то денежное вознаграждение присуждается им всем в размере одного рубля и продажа в пользу князя взыскивается в одинарном размере независимо от того, сколько было виновных.

Псковская Судная Грамота различала степень проявления злой воли преступником, степень его виновных. В ст. 26 говорится, что если ответчик, подлежащий приводу в суд, будет сопротивляться и совершит убийство истца, он привлекается к ответственности как убийца.

С другой стороны, если пристав с потерпевшим приедут во двор подозреваемого в воровстве для производства обыска, а беременная женщина, проживающая в и этом доме, испугается и выкинет младенца, то, как предписывала ст. 98, пристава или истца нельзя обвинить в убийстве ребенка.

Таким образом, в первом случае, виновный, убивший истца, привлекался к ответственности как убийца, а в другом случае виновный, напугавший беременную женщину, освобождался от ответственности.

Псковская Судная Грамота не отвечает на вопросы, освобождается ли от наказания собственник, убивший вора в своем дворе; является ли смягчающим вину обстоятельством состояние опьянения преступника, и, наконец, различается ли покушение от оконченного преступления. Нужно предполагать, что, поскольку нормы Русской Правды действовали на территории Пскова, как и в других русских землях того времени, эти вопросы регулировались Русской Правдой.

Виды преступлений

В Пскове в связи с процессом дальнейшего закрепощения феодальнозависимого населения стали усиливаться классовые противоречия. Это нашло свое выражение в том, что за наиболее серьезные преступления, нарушающие интересы господствующего класса, была введена смертная

казнь, о которой в Русской Правде ничего не говорилось. Денежный штраф — продажа — еще широко применялся как наказание, однако уже отошел на второй план.

В Псковской Судной Грамоте предусматривалось значительно больше деяний, признаваемых господствующим классом социально опасными, нежели в Русской Правде.

Псковская Судная Грамота определяла следующие виды преступлений.

а) Политические преступления

Из числа политических преступлений Псковская Судная Грамота, собственно, знала одно преступление, — перевет (ст. 7). Перевет — государственная измена. Виновные в совершении перевета наказывались смертной казнью.

Не случайно понятие перевета появилось впервые во Пскове и Новгороде. Эти республики граничили с Литвой и владениями немецкого Тевтонского ордена. Вся история Новгорода и Пскова характеризуется систематическим нападением немецких «псов-рыцарей» и литовских феодалов на Новгород и Псков.

Случаи перевета зафиксированы еще в XIII в. Во Пскове оказалась небольшая боярская партия во главе с неким Твердилой Ивановичем, которая в 1240 г сдала город немцам. Немецкий ставленник и переветник Твердила сделался правителем города. Только в 1242 г. в результате побед русского героя Александра Невского над «псами-рыцарями» Псков освободился от немецкой кабалы, а «лереветники повеша».

Псковский летописец под 1469 г. описывает случай государственной измены. «Пераветники Иванко Подкурин да Иванко Таргоша подвели немец и чудь на пскович». Когда через некоторое время была обнаружена их измена, то «Псков доведося Иванка Подкурина на бревне замучили, а другого Иванка тогда же в осень на льду повесили».

б) Имущественные преступления

Псковская Судная Грамота регулировала имущественные преступления более детально, чем Русская Правда. Псковскому праву известны следующие виды преступлений против имущественных прав: татьба, разбой, грабеж, наход и поджог.

Татьба, или «ража, делилась на квалифицированную и простую. К квалифицированной татьбе относилась кромская татьба, конокрадство, а

также татьба, совершенная в третий раз. Квалифицированная татьба наказывалась смертной казнью (ст. 7).

В исторической и историко-юридической литературе оживленно обсуждался вопрос о том, кого надо подразумевать под Кір омским (или кримскшм) татем.

Проф. С. В. Юшков⁶⁸ считает «кримской татьбой» кражу церковного имущества. Проф. М. М. Исаев⁶⁹ полагает, что под «кримской татьбой» следует понимать не только кражу церковных вещей в собственном смысле этого слова, но и кражу ценного имущества и товаров, хранящихся в подвалах каменных церквей. Он исходит из того, что во Пскове вследствие частых пожаров наиболее ценное имущество, принадлежавшее отдельным феодалам, обычно хранилось в подвалах каменных церквей. Это сданное на хранение церкви имущество, а также церковное имущество охранялось государством повышенными карами — смертной казнью.

Авторы комментария и нового перевода Псковской Судной Грамоты Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев⁷⁰ придерживаются иной точки зрения. Они полагают, что под «кримским татем» надо подразумевать вора, совершившего кражу в Крому, т. е. в Псковском Кремле. Для доказательства правильности этого положения приводятся следующие доводы: «В летописи под 1510 г. говорится: «...а из Крему велел клетки выпрятать и Крем был пуст»⁷¹. В другом месте: «И Кром велел розвести да двср себе тут поставить»⁷².

В Псковском Кремле хранились запасы и государственная казна. В Кремле происходили вечевые собрания, находился княжий двор и торг. Естественно, что кража из Псковского Кремля считалась квалифицированной кражей со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам кажется, что указанная точка зрения является более убедительной.

Простой татьбой считалась татьба, совершенная в первый и второй раз, за исключением татьбы из Крома и конокрадства. Простая татьба наказывалась продажей — денежным штрафом в пользу князя и вознаграждением в пользу потерпевшего.

В ст. 1 говорилось: «Ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью, или воз иод титягою, или лодью под полубы, или в яме, или скота оукрадают, или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег...».

Кража мелкого рогатого скота и домашней птицы регламентировалась специально ст. 112.

«А боран приаужать 6 денег, а за овцу 10 денег государю, а судьи 3 денги старая правда. А за гусак и за гусыню присужать по 2 денли государю, на суге 3 денги; а за оутицу, и за селезня, и за кур и за кокошь присужать по 2 денги».

Как видно из указанных статей, Судная Грамота не различала кражи из закрытых помещений от кражи из открытых помещений. Независимо от того, откуда произошла кража, если она была совершена в первый или второй раз, виновный платил продажу в пользу князя в размере 9 денег.

Хотя в статье говорится лишь о продаже в пользу князя, но вероятно, что пострадавший также получал денежное вознаграждение от вора.

Что же касается кражи мелкого рогатого скота и домашней птицы, то в статье прямо указывается не только продажа в пользу князя в размере 2—3 денег, но и денежное вознаграждение в пользу потерпевшего.

Так наказывался вор за первую и вторую татьбу. Но «в третий ряд (раз) изличив живота ему не дати (крам) кромскому татю», т. е. поступать с ним так, как с «кромским татем» (ст. 8).

О происшедшей краже потерпевший должен был немедленно сообщать старосте, ближайшим соседям или посторонним лицам, которые окажутся на месте совершения преступления. Если кража произведена на пиру, то такое заявление должно быть сделано пиреому старосте или гостям, но не хозяину дома, где происходил пир, так как это дело его не касается (ст. 34).

Если потерпевший одновременно заявит на кого-либо подозрение, то подозреваемый может освободиться от ответственности, присягнув в том, что он не совершил эту татьбу. Присяга обычно совершалась на торгу, но закон разрешал в подобных случаях приносить присягу и на месте совершения кражи (ст. 35).

Если украденная вещь через некоторое время будет обнаружена у какого-либо лица, но оно заявит, что эту вещь купило, то купивший украденную вещь должен указать того человека, у которого он купил. В этом случае последний отвечал по суду перед потерпевшим. Это так называемый свод, известный еще в Русской Правде. Свод мог продолжаться от одного подозреваемого в краже до другого, до тех пор, пока, наконец, не будет обнаружено лицо, укравшее эту вещь.

В случае, если украденная вещь была куплена у неизвестного продавца и во время совершения этой сделки присутствовали свидетели, то достаточно показания четырех или пяти свидетелей на суде, чтобы подозреваемый в краже был оправдан.

Если подозреваемый не может указать лицо, у которого он купил украденную вещь, или представить 4—5 свидетелей, присутствовавших при покупке этой вещи, то он должен принести очистительную присягу. В случае, если этот человек ранее не подозревался в краже, а сейчас своими соседями также не подозревается в этом, то он освобождался от ответственности. Это означало, что он не платил продажу в пользу князя и денежного вознаграждения в пользу потерпевшего, но был обязан вернуть украденную вещь ее собственнику.

Такой же порядок установлен и в том случае, когда вещь куплена в чужой земле или найдена где-либо, а другое лицо утверждает, что эта вещь у него украдена.

По Псковской Судной Грамоте был установлен следующий порядок обыска и выемки поличного. Обыски и выемка поличного производились судебными приставами в присутствии 2—3 понятых. Если подозреваемый в краже не пустит их к производству обыска, что подтвердят понятые, а сами приставы подтвердят это присягой, то подозреваемый привлекается к ответственности как вор. Но если приставы оклеветали подозреваемого, то их показания не имели силы, а потерпевший в этом случае проигрывал дело (ст. 57).

Таким образом, если у подозреваемого произведен обыск и при этом обнаружена украденная вещь, то для обвинения в краже обвиняемого не нужно больше никаких других доказательств.

Изъятые при выемке вещи обычно сдавались приставам посторонним лицам или в суд на хранение впредь до рассмотрения этого дела судом.

Но если у подозреваемого произведен обыск и он не дал положительных результатов, то это являлось полным основанием к отказу потерпевшему в иске.

Законодатель весьма недоверчиво относился к тем случаям, когда вор сам указывал на других лиц, якобы причастных к краже. В судебной практике были часты случаи, когда вор, желая оклеветать кого-либо, указывал на этих людей как на соучастников или пособников кражи. В этом случае требовалось, чтобы был произведен обыск у лиц, оговоренных вором. Но если при обыске краденые вещи не были обнаружены, то дело на этом прекращалось. Других каких-либо дополнительных действий для сбора доказательств против таких лиц не производилось.

Проф. Исаев по аналогии с Двинской Уставной Грамотой допускает возможность, «что и в Пскове при второй краже конфисковали все

имущество, возможно, что и в этой республике всякий вор пятнался, ибо других «Справок о судимости» в то время не могло быть»⁷³.

Однако мы полагаем, что для такого вывода у нас нет буквально никаких оснований. Это предположение не основано на каких-либо данных. Нельзя думать, что если пятнание было в Двинской земле, то оно обязательно должно быть и во Пскове.

Псковская Судная Грамота не устанавливала различий между грабежом и разбоем. За эти преступления было установлено одинаковое наказание — продажа в пользу города Пскова 9 гривен, в пользу князя — 19 денег и в пользу князя и посадника — 4 деньги.

Рассмотрение дел о грабежах обставлялось рядом формальностей. Прежде всего суд должен был допросить самого потерпевшего обо всех обстоятельствах дела. Кроме того, потерпевший должен был указать суду тех лиц, которым он заявлял о грабеже. Если послух, вызванный в суд, подтверждал это обстоятельство, то дело решалось по желанию ответчика. Последний имеет право или выйти на поединок с послухом или положить у креста цену иска, обязав послуха присягнуть, что он показывает правду (ст. 20).

Примирение потерпевшего с преступником было возможно на любой стадии процесса по тем делам, по которым полагалась продажа в пользу князя и денежное вознаграждение в пользу пострадавшего. Такое примирение, в частности, было возможно и по делам о татьбе и разбое. Поэтому если пострадавший отказывался от своего иска к вору или разбойнику, то в этом случае и князь лишался своей продажи с виновного. В ст. 52 по этому вопросу говорится следующее: «А на татии и на разбойники же, чего истец не возьмет, и князю продажа не взята».

Такое примирение сторон было возможно по делам, по которым виновный наказывался продажей. Если же виновный совершил, например, квалифицированную татьбу, за которую полагалась смертная казнь, то такое примирение было уже невозможным. Это явствует из категорического предписания ст. ст. 7 и 8 «тем живота не дати», «и в третий раз изличив живота ему не дати».

Господствующий класс Пскова, очевидно, находил опасным для себя такое примирение по наиболее серьезным преступлениям и запрещал его.

Псковская Судная Грамота выделяет некоторые преступные деяния, которые, не будучи грабежом в буквальном смысле этого слова, приравниваются по своей опасности к грабежу. Таким действием считалось самовольное взятие истцом какого-либо имущества у ответчика. Истец в

этом случае привлекался к ответственности как разбойник. Кроме того, он должен уплатить: продажу в пользу князя в размере рубля, а также внести причитающуюся плату приставу. Ст. 67 формулировала это положение следующим образом: «А истец, приехав с приставом а возмет что за свой долг силою, не оутяжет своего истца, ино быти ему оу грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому».

В ст. 1 упоминается особый вид преступления — на-ход, за совершение которого виновные наказывались так же, как за разбой и грабеж.

Проф. С. В. Юшков считает наход разбоем, произведенным шайкой⁷⁴. Иного мнения придерживается проф. М. М. Исаев: «Под находом или наездам понималось самоуправное нападение на недвижимую собственность или владение другого из-за поземельных или каких-либо личных счетов, сопровождавшееся обычно боем и грабежом, но бой и грабеж не были целью находом или наезда»⁷⁵.

Однако с точкой зрения проф. Исаева согласиться нельзя, ибо в понятия находом и наезда нельзя вкладывать одно и то же содержание. Если Новгородская Судная Грамота пользуется термином «наезд», то это совсем не означает, что этот термин аналогичен термину «наход». Поэтому точка зрения проф. С. В. Юшкова является более убедительной, чем мнение проф. Исаева.

Наконец, к числу имущественных преступлений относился поджог, который наказывался смертной казнью. Если против «зажигалника» не было улик, а только подозрение, то он освобождался от ответственности, при-сягнув в том, что он данного преступления не совершал (ст. 116).

в) Преступления против личности

Наиболее серьезным преступлением среди этой категории дел считалось вырывание бороды. За это преступление полагалось денежное вознаграждение в пользу потерпевшего в размере двух рублей, а также про-дажа в пользу князя (ст. 117).

В данном случае мы наблюдаем прямую преемственность от Русской Правды, которая также установила повышенную ответственность по сравнению с другими преступлениями этой категории за вырывание бороды и усов. Так, в ст. 7 Русской Правды (Список академический) говорится: «А во оусе 12 гривне; а в бороде 12 гривне».

Из других преступлений этой категории Псковская Судная Ерамота знает побои. За побои полагался денежный штраф в пользу потерпевшего в сумме одного рубля, а также продажа в пользу князя.

Потерпевший должен сообщить о нанесенных ему побоях своим соночлежникам или участникам обеда. Суд вызывал кого-либо из них, и если свидетель подтверждал, что потерпевший действительно сообщал ему о побоях, то разбор дела происходил по желанию подозреваемого: он должен был или выйти на судебный поединок с послухом потерпевшего или положить у креста цену иска, заставив послуха присягнуть, что последний говорил правду на суде.

Но если драка произойдет на рынке, на улице или на пиру в присутствии многих очевидцев и если 4—5 из них укажут и а суде, кто кого бил, то этого вполне достаточно для обвинения тех или иных лиц в нанесении пострадавшему побоев.

В тех случаях, когда несколько человек нанесли побои одному или нескольким лицам, денежное вознаграждение в пользу потерпевших взыскивалось в размере одного рубля, независимо от числа виновных и потерпевших. Точно так же со всех виновных вместе взыскивалась продажа или штраф в пользу князя в одинарном размере.

Дела о побоях могли быть прекращены в любой стадии процесса. Продажа в пользу «князя» не уплачивалась до тех пор, пока стороны не вызывали через пристава друг друга на суд. После вызова в суд, даже если и состоялось примирение сторон, виновная сторона все же уплачивала продажу в пользу князя на общих основаниях.

Глава IX

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

Как известно, Русская Правда не знала смертной казни. Основным видом наказания был денежный штраф — вира и продажа. Это объясняется тем, что процесс закрепощения феодальнозависимого крестьянства только начинался, и поэтому господствующему классу феодалов не нужно было до поры до времени прибегать к смертной казни как средству расправы с угнетенными массами крестьянства и горожан. Конечно, смертная казнь в Киевской Руси имела место, особенно в период подавления городских и крестьянских восстаний или в период борьбы князей за власть. Но это считалось чрезвычайным средством расправы господствующего класса с восставшими. В обычное время господствующий класс мог вполне держать власть в своих руках, прибегая к денежным штрафам, а при совершении наиболее серьезных преступлений — к потоку и разграблению.

Это положение коренным образом изменилось во Пскове.

Псков представлял собой государство, в котором в связи с дальнейшим процессом закрепощения феодальнозависимого крестьянства и усиления экзешюаташш городских масс классовые противоречия настолько обострились, что господствующий класс — феодалы — не мог уже удержать власть в своих руках с помощью прежних средств борьбы с угнетенными массами. Кроме того, пограничное положение Пскова и необходимость вести постоянную борьбу с немцами и Литвой, покушавшимися на его территориальную целостность и неприкосновенность, заставили господствующий класс вести усиленную борьбу с теми, кто стремился к соглашению с исконными врагами Пскова.

Поэтому за наиболее важные преступления во Пскове полагалась смертная казнь

Псковская Судная Грамота знала следующие виды наказаний:

Смертная казнь.

Продажа.

Смертная казнь была установлена за «перевет» (измену), кражу из Кремля, конокрадство и поджог (ст. 7) и за кражу, совершенную в третий раз.

Какими способами осуществлялась смертная казнь во Пскове, в самой Судной Грамоте не упоминается.

Однако псковские летописи зафиксировали несколько случаев смертной казни.

Воров сжигали или вешали. Так, в 1509 г. пономарь Троицкого собора Иван украл из псковской казны 400 рублей. «...И псковичи его на вечи казнили кнутьем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета... на Великой реке огнем сожгли его»⁷⁷.

В 1477 г. Псковское вече наложило штраф на псковский пригород Опочка за то, что «они повесили татя коневого, а без псковского повеления»⁷⁸.

Поджигателей бросали в огонь. В 1496 г. один «чухонец», будучи подкуплен немцами, пытался поджечь Псковский Кремль, «...и... изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем»⁷⁹.

В некоторых случаях летописец не говорит о способах предания смертной казни. Под 1314 г. в летописи записано: «А в Пльскове почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе, и клетки на городе, и избита их

пльсковичи с 50 человек»⁸⁰, т. е. в данном случае смертная казнь осуществлялась путем избияния или истязания.

Упоминается также в летописях «усечение», или смертная казнь путем отсечения головы.

Все эти способы применения смертной казни — избияние, усечение, повешение и сожжение — свидетельствуют о том, что Псков знал не только простую смертную казнь (путем избияния, усечения и повешения), но и квалифицированную смертную казнь, т. е. связанную с применением особых мучений (сожжение).

Вторым видом наказания по Псковской Судной Грамоте была продажа. Продажа поступала в пользу князя. По Судной Грамоте наивысшей была продажа в сумме двух рублей. Она взималась за вырывание бороды (ст. 117). Далее следовала продажа в размере одного рубля. Она взималась за убийство (ст. 96), побои (ст. 120), оскорбление в присутствии суда (ст. 111), проникновение в судебную горницу посторонних лиц без разрешения суда или нанесение ударов судебному привратнику (ст. 58).

Далее шла продажа или штраф за разбой, грабеж и наход. За эти преступления взималась продажа в размере 9 гривен в пользу города Пскова, в пользу князя—19 денег и в пользу князя и посадника — 4 деньги (ст. 1).

Продажа в размере 9 денег взыскивалась за простую кражу (ст. 1). За кражу мелкого скота и домашней птицы взыскивалась следующая продажа: за кражу барана, овцы, гусака и гусыни — 3 деньги и за кражу утки, селезня, петуха и курицы — 2 деньги (ст. 112).

Кроме продажи, поступавшей в пользу князя, виновный должен был платить денежное вознаграждение потерпевшему или его родственникам.

По Русской Правде денежное вознаграждение в пользу родственников убитого называлось головничеством, а денежное вознаграждение в пользу потерпевшего по другим преступлениям называлось уроком.

Псковская Судная Грамота не знала специального термина для обозначения денежного вознаграждения в пользу потерпевшего или родственников убитого. Обычно Судная Грамота определяет это вознаграждение в следующих выражениях: «...а грабеж судити рублем...» (ст. 67); «А [за] боран присужагъ б денег, а за овцу 10 денег государю», т. е. хозяину (ст. 112); «...ино за бороду присудили два рубля...» (ст. 117); «...ино им присужагъ воим, за вен боеви, один рубль...» (ст. 120).

Сумма денежного вознаграждения в пользу потерпевшего указывалась в Судной Грамоте относительно редко. Так, в ст. 117 за вырывание бороды

присуждалось в пользу потерпевшего два рубля, за побои — один рубль (ст. 120), за побои судебного привратника — 10 денег (ст. 58), за оскорбление в присутствии суда — один рубль (ст. 111), за кражу барана — 6 денег, овцы — 10 денег, гусака, гусыни, утки, селезня, петуха и курицы — 2 деньга (ст. 112). В остальных статьях, в которых были выражены нормы уголовного права, хотя и говорилось о денежном взыскании в пользу потерпевшего, однако размер его не был указан.

В Русской Правде указывался размер виры и продажи, идущих в пользу князя, но размер головничества и урока Русская Правда не определяла. Нужно полагать, что размер головничества и урока был таков же, что вира и продажа.

То же самое можно сказать и в отношении денежного вознаграждения в эпоху Судной Грамоты. Несомненно, что это денежное вознаграждение по своему размеру было равно княжеской продаже.

Виновный, который не мог уплатить причитающееся с него денежное вознаграждение в пользу потерпевшего, выдавался ему с головой, т. е. до отработки долга. Об этом, в частности, гласит ст. 111: «А кто пред господю оударит на суде своего истьца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа». Но отработать крупную сумму было не легко. Поэтому вследствие такого долга человек со своей семьей должен был всю жизнь работать на своего кредитора.

Установление денежного штрафа за большинство преступлений было угодно и выгодно только господствующему классу — феодалам. Именно они могли отделаться от наказания, уплатив причитающуюся с них сумму, в то время как неимущие классы закабалялись на всю жизнь.

Таким образом, денежный штраф и денежное вознаграждение были могучим средством расправы господствующего класса с трудящимися массами, средством его угнетения и закабаления. В данном случае государственная власть в лице суда приходила на помощь господствующему классу с тем, чтобы помочь ему еще крепче держать в подчинении и порабощении эксплуатируемые массы.

В старой, дореволюционной литературе вызывало большие споры выражение, встречающееся в ст. 58. В ней говорится: «А хто опрочнаимет помогать, или силою в судебню полезет, или подверника оударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князю рубль, а под-верником 10 денег».

Ряд исследователей считал «дыбу» членовргдительным наказанием. К этому мнению присоединилась и М. К. Рожкова. Анализируя эту статью, она пишет: «...поэтому в прибавок к княжеской продаже полагается еще «дыба»,

т. е. членовредительное наказание (ст. 58); это последнее является продуктом новой эпохи: как известно, твердое установление в праве членовредительных наказаний взамен денежных штрафов относится ко времени падения феодальных отношений»⁸¹.

Авторы нового перевода и комментария Псковской Судной Грамоты Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев⁸² присоединились к точке зрения М. К. Рожковой, сочувственно цитируя ее высказывание по этому вопросу. Вместе с тем они не привели мнения других исследователей, не считавших «дыбу» членовредительным наказанием.

Однако с точкой зрения Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева мы согласиться не можем. Еще Владимирский-Буданов разъяснил, что «всадити его в дыбу означало заковать виновного в колодку, состоящую из двух досок, имевших посредине выемку, а по концам петли и замки»⁸³.

Мы должны констатировать, что Псковская Судная Грамота не знала ни членовредительных, ни болезненных наказаний, «и тюрьмы и ссылки. Процесс закрепощения феодальнозависимого крестьянства и связанное с этим обострение классовых противоречий не достигли в Пскове той силы, какую мы наблюдаем в Московском государстве в середине XVII в. в связи с завершением процесса закрепощения крестьянства. Это обусловило введение в уголовное законодательство наказаний с целью наибольшего устрашения, о которых мы говорили выше.

Различного рода телесные наказания, в том числе и пытки, не применялись лишь к свободному населению Пскова. Этого нельзя сказать в отношении холопов. Всякий владелец мог наказывать своих холопов за малейшие провинности и упущения любым способом, вплоть до убийства. Однако закон не защищал холопа, ибо он считался вещью, принадлежащей владельцу, который мог поступить с ней, как ему вздумается.

Проф. Исаев ссылается на высказывание русского буржуазного исследователя Костомарова, полагавшего, что в последние годы самостоятельного существования Псковского государства «...появился там московский кнут как предвестник разрушения старого свободного порядка»⁸⁴.

В доказательство этого приводятся следующие факты, указанные в Псковской летописи. В 1509 г. троцкий пономарь Иван украл из казны 400 рублей и его на вече казнили кнутъем. В 1495 г. у Пскова произошло столкновение с духовенством по поводу участия церкви в расходах, связанных с войной, когда «посадники псковский и со псковичи... учили сильно деяти над священника рожесвеньского и Андрея, и в одних рубахах стояли на веди, и иных всех попов и дьяконов изсоромитиша»⁸⁵. Но все эти

факты не свидетельствуют о том, что в Пскове в конце XV в. или в начале XVI в. было установлено наказание кнутом. Битье кнутом в Пскове было лишь одним из способов добиться признания от обвиняемого.

Содержание обвиняемого в крепости от задержания до суда или от суда до приведения приговора в исполнение и наложение оков на преступника также применялось во Пскове. Однако заключение в крепость и наложение оков не может рассматриваться как один из видов наказания. Это было лишь мерой, предупреждающей уклонение подозреваемого от следствия и суда.

Глава X

СУД И ПРОЦЕСС

Судоустройство

Судебные функции во Пскове выполняли следующие учреждения: вече; князь совместно с посадниками и сотниками; городские судьи; наместники князя и посадник пригородов; старосты волостей и пригородов; псковский наместник новгородского архиепископа; братчина.

Вече

Как высший орган Псковского государства вече могло непосредственно осуществлять судебные функции. По этому Судная Грамота запрещала князю посаднику производить суд на вече. Принимать решения по делам рассматриваемым на вече, могло только само вече. Однако вече рассматривало лишь наиболее важные дела, например, дела о преступлениях высших должностных лиц, дела о поджоге и т. д. Псковская летопись зафиксировала несколько случаев подобного рода дел.

Под 1314 г. имеется следующая запись: «А в Пльскове почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе, и клети на городе, и избиша их пльсковичи с 50 человек»⁸⁶.

Под 1484 г. летописец записал: «Того же лета смердов посадиша на крепость в погребе; а посадников и. заповеди закливдша, что грамоту новую списали и в ларь вложили на сеях со князем Ярославом, а Псков тоге не ведает. Того же лета посадника убиша Гаврила, месяца июня в 13; а убиша его всем Псковом на вечи»⁸⁷.

Под 1496 г. записано: «Загорелося на Кромю... а зажег Чюхно закрадчися.. и... изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем»⁸⁸.

Суд князя и посадника

Постоянно действующим судебным учреждением в Пскове был суд князя совместно с посадниками и сотскими.

Княжеский суд рассматривал лишь определенные категории дел: убийство, разбой, грабеж, наход, кражу, побои, а также дела о поземельном владении и беглых изорниках.

В соответствии со ст. 4 княжеский суд должен был заседать «оу князя на сенех», т. е. в княжеских палатах.

За выполнение судебных функций князь и посадники получали продажу в размере, указанном в законе. Грамота предписывала, чтобы князь и посадники судили на основании законов и не брали взяток. Однако она не предусматривала санкции за несправедный суд. В ней говорилось лишь: «...а не въ судят в правду, ино Бог буди им судна на втором пришествии Христове» (ст. 4).

Вновь избранный посадник должен был присягнуть на вече в том «...что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыставатися, а судом не метится ни и а шгож, а судом не отчитись, а пряваго не погубит, а виноватаго не жаловати; а без исправы человека не погубити, ни на суду на вечи» (ст. 3).

В случае избрания нового посадника старый посадник должен был закончить рассмотрение всех начатых им судебных дел. Новый посадник не имел, права изменять вынесенные старым посадником судебные решения (ст. 6).

Посадникам, как и другим должностным лицам, запрещалось выступать на суде в качестве поверенного другого лица. Они могли вести только собственные судебные дела, а также дела по имуществу той церкви, в которой они состояли церковными старостами (ст. ст. 68, 69 и 71).

Судная Грамота предписывала князю и посаднику не рассматривать дела, подсудные псковскому наместнику Новгородского архиепископа. В свою очередь последний не должен был рассматривать дела, подсудные княжескому суду (ст. 2).

Псковские судьи

Псковским судьям были подсудны мелкие уголовные дела, а также все гражданские дела, кроме споров о землевладении. Судьи избирались на вече из среды знатных боярских фамилий. Подобного рода суды были не только в самом городе Пскове, но и во всех пригородах и волостях Псковского государства.

В ст. 77 Судная Грамота обязывала псковских судей «судити право по крестному целованью», в противном случае «ино суди им Бог в страшный день втораго пришествия Христова».

Суд княжеских начестяиков и посадников в пригородах

13 псковских пригородах дела, подсудные княжескому суду, рассматривались княжескими наместниками вместе с посадниками пригородов.

Судебные функции, аналогичные функциям псковских судей, в пригородах и волостях выполняли старосты пригородов и волостей. Господствующий клас мог вполне доверять судебные функции старостам, так как даже по свидетельству дореволюционных историков права (И. Д. Беляев и др.) старосты избирались лишь из числа бояр.

Суд псковского наместника новгородского архиепископа

Церковь во Пскове не была самостоятельной она подчинялась новгородском архиепископу. Правда, псковское духовенство пыталось выйти из подчинения архиепископа путем создания независимой от последнего епископской кафедры с непосредственным подчинением ее московскому митрополиту. Но эта попытка не удалась.

Как и в других феодальных государствах средневековья, право суда над духовенством, а также над феодальнозависимым населением, проживавшим на землях монастырей и церквей, принадлежало новгородскому архиепископу. Последний имел во Пскове своего наместника, который непосредственно и осуществлял судебные функции в отношении указанных выше лиц.

Псковская Грамота подчеркивала, что дела, в которых сторонами выступали поп, дьякон, просвирня, монах и монахиня, подсудны только суду наместника новгородского архиепископа. Поэтому ни князь, ни посадник, ни городские судьи не имели права рассматривать подобного рода дела. В свою очередь наместник архиепископа также не должен был принимать к производству дела, подлежащие рассмотрению светского суда. Однако могли быть судебные споры, в которых одной стороной выступало лицо, подсудное церкви, а другой стороной — лицо, подсудное светскому суду. В этом случае, указывается в ст. 109, «то судити князю и посаднику с владычним наместником вопчи, також и судиам», т. е. совместно. Несомненно, что продажа в данном случае делилась между светским и церковным судом поровну.

Суд братчины

Судебные функции, помимо указанных выше органов, могла осуществлять также братчина. В ст. 113 говорилось: «А братьщина судить, как судьи». Братчина — это группа соседей, объединившихся между собою с целью организации в складчину общественных пирушек. Несомнение, что братчины следует рассматривать как пережиток родоплеменных отношений. Братчина являлась оформленной организацией. Участники братчины («пивцы») избирали из своей среды «пирового» старосту, который и являлся организатором увеселений. Так как во время этих пиров нередко были случаи оскорблений, драк и т. д., Судная Грамота предоставляла право самой братчине рассматривать подобного рода дела. Что же касается более тяжких преступлений, совершенных на пиру, как убийство, разбой и т. д., то несомненно, что такого рода дела подлежали суду князя и наместника.

При суде князя и посадника состояли следующие лица: дьяк княжеский и городской, княжеские слуги и подвойские или городские приставы, княжеские писцы и подвергший.

Из этих должностных лиц, состоявших при суде, наибольшее значение имели дьяки — княжеский и городской. Они ведали канцелярией суда. Кроме того, они докладывали князю и посаднику дела и составляли судебные решения. Дьяков было двое. Первый, княжеский, дьяк являлся представителем князя, другой, городской, — Псковского государства.

Судная Грамота устанавливала в ст. 79, что в случае представления сторонами на суде грамот на спорный участок земли или рыбную ловлю грамоту одной стороны зачитывал княжеский дьяк, а грамоту другой стороны — городской дьяк. Грамоты, присланные из пригородов, согласно этой статье должен читать только городской дьяк. Последнее обстоятельство, несомненно, объяснялось стремлением господствующего класса Пскова решать такие важнейшие дела, как споры о владении землей, с участием городского дьяка, мнение которого имело большое значение при разрешении этого спора князем и посадником. Князь и его окружение не имели права владеть землей во Пскове.

Важную роль играли в суде также и писцы. Судная Грамота в ст. ст. 50, 82 и 83 упоминает лишь о княжеских писцах. Была установлена определенная такса за пользование их услугами. Так, а написание правой грамоты по земельному спору в пользу писца взыскивалось пять денег; за получение письменного разрешения на поездку за границу, а также за приложение печати к документу уплачивалось по одной деньге.

Если княжеский писец требовал уплаты пошлины свыше установленной законом по ст. ст. 50 и 82, сторонал: разрешалось обойтись без его услуг, написав документ с помощью другого лица, а князь должен был приложить свою печать. В случае отказа князя печать могла быть

приложена в архиве Троицкого собора, что не считалось нарушением прав князя

Функции судебных исполнителей выполняли подвойские или пристава, являвшиеся представителями Псковского государства, и княжеские слуги, представлявшие интересы князя.

Согласно ст. 81, городские пристава и княжеские слуги должны были производить обыск или вызывать в суд свидетелей совместно, а полученные при этом прогоны делить пополам.

Пристава и княжеские слуги при суде обычно выполняли следующие функции вызывали стороны и свидетелей в суд, производили обыски и выемки, налагали оковы на обвиняемых, участвовали при размежевании границ спорных земельных участков, присутствовали при продаже помещиками имущества изорников, приводили в исполнение судебные решения и т. д.

Приезд пристава с целью производства обыска в дом какого-либо псковитянина был настоящим бедствием для последнего. Это видно, в частности, из ст. 98 «А которой человек с приставом приедет на двор татя имать, и татбы искать, или дльжника имать, а жонка в то время детя выверже, да пристава оучнет головшинной окладати, или исца, ино в том голоешины нет».

За порядком в помещении суда следили так называемые «подверники» или привратники, о которых упоминается в ст. ст. 58 и 59.

Подверников, как и других должностных лиц, при суде было двое: один являлся представителем Пскова, другой представлял интересы князя. Перед вступлением в должность они приносили присягу в том, «што праваго не погубити, а виноватаго не оправити». С каждого дела, которое рассматривалось в суде, подверники получали по 2 деньги на двоих. Обязанность подверников заключалась в том, чтобы в судебницу никого не пропускать, кроме истца и ответчика. Исключения допускались для женщин, малолетних, монахов, монахинь, престарелых и глухих, за которых разрешалось выступать на суде пособнику. Если какое-либо лицо насильно пыталось проникнуть в судебницу, ударив при этом подверника, виновного в таком поступке заключали в колодки и брали с него рубль продажи в пользу князя и 10 денег в пользу подверника. Произвол приставов и отсутствие гласности на суде давали возможность господствующему классу феодалов беспощадно расправляться с угнетенными массами.

Процесс

Процесс во Пскове носил состязательный (обвинительный) характер. Стороны, выступавшие на суде, назывались «сутяжниками».

Ярким примером порядка судопроизводства по земельным спорам служит Правая грамота псковского князя Ярослава Васильевича и псковских посадников Снетогорскому монастырю на шестую часть реки Перервы, спорную с Козмодемьянским монастырем, от 11 июня 1483 г: «Перед господином псковским Ярославом Васильевичем, и перед посадники степенными, перед Левонтием Тимофеевичем, и перед Степаном Максимовичем, и перед соцкими на сенех, стоя на суде, игумен Тарасеи Богородицкой Снетные горы и все старцы Снетогорские с Юрьем соцким, с старостою съ Егорьевским, да с Ортемом и с Ыльею, со всеми их сябры, и с ыгуменом с Лаврентием Кузмодемьянским з Гремячие горы и со всеми старцы Кузмодемьянскими, а ркучи тако игумен Тарасеи и все старцы Снетогорские господин князь, и посадники, и соцкие, тому, господине, Юрью сотцкому, старосте Егорьевскому, и Ортему, и Ильи, и всем их сябром, игумену Лаврентию Кузмодемьянскому и всем старцом Кузмодемьянским пять частей в Перерве реки, а нам, господине, шестая часть в Перерве реки, проезду деля, и нынеча, господине, Юрьи, и Ортем, и Илья, и вся сябры их, игумен Лаврентей и старцы Кузмодемьянские нас шестой части в Перерве реки лишают, а проезду нам не дадут, а у нас, господине, в той Перерве реки на шестую часть грамоты купчие. Да и положили грамоты купчие перед осподою. И господин князь псковской Ярослав Васильевичъ, и посадники, и сотцкие, прочет перед собою обои грамоты, и дали грамоты Климьты сотцкому, да послали княжого боярина Михаила Чета да и Климета Семеновича сотцкого тое воды в Перерве реке досмотреи. И княжой боярин Михаило да Климета сотцкой тое воды досмотрели, да и на луб выписали, и перед осподою положили, да и велись по лубу. И князь псковской Ярослав Васильевич, и посадники степенные ч сотцкие вопросили обоих с обою сторон снимаете ль с межников межничьства. И обои исцы тако ркли сни чаем, господине. И господин князь, и посадники, и сети, кие спросили игумена Тарасья и старцов Снетогорских есть ли у вас стариков хто, кому то ведомо, что вам в Перерве реке шестая часть, проезда деля. И игумен Тарасеи и старцы Снетогорские воиеновали старика Терентия Кудатова тому ведомо, что нам шестая часть есть, проезду деля, в Перерве реки, на того и послачися. Юрьи, да Ортем, да Илья, и все сябры их, и игумен Лаврентей и старцы Кузмодемьянские того же старика воиеновали Терентия Кудатова. И послались обои (ис)цы на одного старика. И господин князь псковской, и посадники, и сотцкие велели перед собою поставити Теоентея Кудатова. И терентеи, став перед осподою, тако рек в той, господине, Перерви реки Юрью, и Ортему, да Ильи и всем сябром их, и игумену Лаврентию Кузмодемьянскому и старцом пять частей, а игумену Тарасью

Богородицкому и старцом Снетогорским в Перерве реки шестая часть, проезда деля; то мне, господине, ведомо. И ото тому князь псковский

Ярослав Васильевич, и посадники степенные Левонтеи Тимофеевич и Степан Максимович, и сотцкие игумена Тарасья Богородицкого и всех старцов Снетогорских в шестой части в Перерве реки у проезду о правихом; а Юрья сотцкого, старосту егорьевского, и Ортема, да Илью, и всех сябров, игумена Лаврентия и старцов Кузмодемьянских з Гремячей горы повинихом; и дахом игумену Тарасию Богородицкому и всем старцом Снетные горы грамоту правую, по псковской пошрины, в Перерве реки на шестую часть на проезд»⁸⁹.

По ряду важнейших дел, например, о государственной измене («перевет»), краже в Кромю, поджоге и проч., применялись уже принципы следственного инквизиционного процесса. Наличие во Пскове такого процесса зафиксировано в Псковской летописи под 1509 г.: «Поймали пономаря троцкого Ивана, а он из ларев денги имал да в той гибели доспел 400 рублей, и псковичи его на вечи казнили кнутъем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета... на Великой реке огнем сожгли его»⁹⁰.

Применение следственного процесса к отдельным категориям дел объясняется обострением классовой борьбы во Пскове и невозможностью для господствующего класса удержать в своих руках власть старыми методами судебной расправы.

Как и Русская Правда, Судная Грамота знала особый вид отношений сторон до суда, так называемый свод. Своду в Судной Грамоте посвящена ст. 54. По этой статье ответчик, у которого истец обнаружил свою пропавшую вещь, должен был привести на суд человека, у которого он купил спорную вещь. По установлению факта купли продавец отвечал по суду перед истцом, а первый ответчик, купивший вещь, являлся поручителем второго ответчика. До каких пор мог продолжаться своц, Судная Грамота не указывает.

Русская Правда не знала института судебного представительства. В Псковской же Грамоте судебному представительству посвящено несколько статей (58, 68—72). Согласно ст. 58 женщины, малолетние, монахи, монахини, престарелые и глухие имели право приглашать для защиты своих интересов на суде «пособников», т. е. поверенных. Пособнику запрещалось в один и тот же день выступать на суде по двум делам (ст. 71).

По Судной Грамоте вызов ответчика в суд производился через приставов. За выполнение этой обязанности пристав получал с истца прогоны из расчета по одной деньге за каждые десять верст (ст. 64).

Пристав вызывал ответчика на церковную площадь, где и оглашал повестку о вызове последнего в суд. Если ответчик не являлся на церковную площадь, приставу надлежало огласить повестку в присутствии священника.

В случае неявки ответчика суд по истечении пятидневного срока выдавал истцу и приставу грамоту о доставке ответчика на суд силой (ст. 25) .

При доставке ответчика в суд истец не имел права применять физические меры воздействия. Ответчик в свою очередь не должен был отбиваться при задержании. Ответчик, убивший истца, привлекался к ответственности как убийца (ст. 26). Пристав имел право заковать ответчика в оковы.

Подобный порядок вызова ответчика в суд был установлен по наиболее важным уголовным делам (убийство, разбой, грабеж и другие). По мелким уголовным преступлениям и по гражданским делам неявка ответчика в суд влекла за собой обвинение в указанном преступлении или проигрыш дела при имущественных спорах (ст. 82).

Судная Грамота, защищая интересы собственников, требовала, чтобы истец до решения суда не брал самовольно имущество ответчика в обеспечение своего иска. В противном случае истец подлежал привлечению к ответственности за грабеж (ст. 67).

Истец, предъявивший иск к ответчику по такого рода делам, как требование о возвращении денег, переданных ответчику для ведения торговли, долга под поручительство, имущества, отданного на хранение, займа и по делам о наследстве, должен был точно указать цену иска, в противном случае он терял иск (ст. 45).

Виды доказательств

Псковская Судная Грамота упоминает следующие виды доказательств: собственное признание, свидетельские показания («соседи», «сторонние люди»), послушество («послухи»), письменные документы (грамоты, записи, рядницы, доски), поличное, присяга («рота»), судебный поединок и «закличь».

В отличие от Русской Правды Судная Грамота не упоминает о таком виде доказательств, как жребий, о котором говорится в статье Русской Правды «о муже кроваве».

Собственное признание

Судная Грамота указывает такой вид доказательства, в отличие от Русской Правды, которая еще не упоминает о собственном признании. В ст. 94 говорится «А которой вятший брат с меньшим братом жиоучи в одном хлебе с вятшим братом, а скажут долгу отцово, а на отца записи не будет, ино вячьшему брату правда дать, да заплатит опчим животом, да остатком делится».

Таким образом, старший брат приводился к присяге, и если он признавал этот долг, то уплачивал его из общего имущества.

Свидетельские показания

Судная Грамота различает две категории свидетелей-ксуседей», т. е. тех, кто проживал в непосредственной близости к истцу или ответчику, и «сторонних людей», которые хотя и не проживали вместе с истцом или ответчиком, но знали о том или ином факте. О показании «суседей» или «сторонних людей» указывается в ст. ст. 9, 27, 51, 55—57. Как правило, истец или ответчик должны были представить суду не менее 4—5 свидетелей. Лишь в одном случае по ст. 57 при предъявлении обвинения приставам в том, что они не произвели обыск у подозреваемого, приставы должны были выставить двух или трех свидетелей.

Сторона, не сумевшая представить должного числа свидетелей, проигрывала дело. В случае покупки краденой вещи, владелец которой впоследствии претендовал на нее, покупатель должен был доказать свою невиновность с помощью 4—5 свидетелей или принести присягу (ст. 56).

Свидетельские показания давались по делам о земельных спорах, при драке на пиру, на рынке или на улице, при спорах о наследстве, при отрицании изорником факта получения «покрыты» и пр.

Послушество

Институт послухов был известен не только Русской Правде, но и Псковской Судной Грамоте. Однако послухи по Судной Грамоте существенно отличались от поспухов Русской Правды. Известно, что послухами в эпоху Киевской Руси считались не очевидцы событий, а лишь свидетели «доброй славы» той или иной стороны, тогда как по Судной Грамоте послухи уже являются очевидцами.

Таким образом, понятия видока и послуха слились в одно понятие послуха как очевидца факта. Это подтверждается ст. 20: «А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовници и князь и посадником и сотцким обыскати как послух, где будет обедал, и игде начавал, и послух изведетя иночаем его, или где обедал. », т. е. князь, посадники и сотские должны выяснить у послуха, обедал ли и ночевал ли он вместе с истцом. Псковская Судная Грамота совершенно не упоминает о видоках. Существенное отличие послушества по Судной Грамоте по сравнению с Русской Правдой состоит еще и в том, что послух истца, при отсутствии других доказательств, должен был выходить на судебный поединок с ответчиком. Если при этом ответчиком оказывался престарелый, малолетний, увечный, поп или монах,

то он мог выставить вместо себя наемного бойца, на что послух не имел права (ст. 21).

Показание послуха имело весьма важное значение для сторон. Поэтому при неявке послуха на суд или при показаниях, не совпадающих с показаниями истца, последний проигрывал дело (ст. 22).

Послухов могли выставлять не только истцы, но и ответчики. Если ответчик не выставлял послуха, то суд должен был направить на место происшествия приставов для расследования (ст. 24).

Письменные документы

К письменным документам относились: записи, рядницы и доски.

Записи представляли собой письменные договоры, заключенные между сторонами, копии которых сдавались на хранение в архив Троицкого собора. Такая запись являлась официальным документом, не подлежащим оспариванию в суде.

Рядницами назывались платежные расписки, в которых указывалась сумма долга или торговой ссуды. Только те рядницы, копии которых сдавались в архив Троицкого собора, могли предъявляться в качестве бесспорного доказательства. В противном случае эти записи не имели юридической силы (ст. ст. 32 и 38).

Доска в отличие от записи была простым домашним договором, написанным на доске. Копия такого договора не сдавалась в архив Троицкого собора. Поэтому достоверность доски могла быть оспариваема, а в некоторых случаях она не считалась достоверным документом. (Так, по ст. 30 давать деньги в долг по доске можно было в сумме до рубля включительно. При предъявлении иска на сумму свыше рубля доска не имела юридической силы.

Таким образом, Судная Грамота знает различного рода письменные документы в отличие от Русской Правды, где не упоминаются ни записи, ни рядгаицы, ни доски.

Поличное

Бесспорным доказательством вины вора являлось обнаружение у него краденной вещи («полишное»). Поэтому Судная Грамота предписывала суду не доверять показаниям вора, обвиняющего кого-либо в соучастии. В таких случаях необходимо было произвести обыск в доме предполагаемого соучастника. При обнаружении краденных вещей соучастник подлежал привлечению к ответственности за кражу (ст. 60). За поездку для обнару-

жения поличного пристав имел право на получение двойных прогон, которые взыскивались с вора. При отрицательных результатах обыска оплата прогон приставу и привратникам производилась истцом, по просьбе которого производился обыск (ст. 65).

Лицо, подозреваемое в краже, было обязано допустить пристава в свой дом для производства обыска, в противном случае подозреваемый привлекался к ответственности как вор (ст. 57).

Присяга («рота»)

Присяга как судебное доказательство применялась в тех случаях, когда стороны не могли представить суду других, более веских доказательств, например, свидетельских показаний, письменных документов и т. д. Выбор этого вида доказательства принадлежал ответчику. Он мог сам принести присягу, и в этом случае выигрывал дело, или мог положить у креста цену иска, предоставив возможность присягнуть истцу.

Псковская Грамота знает так называемую «вольную рогу». Она применялась в тех случаях, когда на кого-либо падало обвинение в краже, но других улик не было. В этом случае подозреваемый в краже должен был принести присягу в невиновности. Присяга освобождала подозреваемого от ответственности за кражу (ст. 34).

В таком же порядке освобождались от ответственности лица, подозреваемые в поджоге (ст. 116).

Ответчик, не явившийся в срок для принесения судебной присяги, проигрывал дело (ст. 99). Присяга как вид доказательства применялась чаще всего в имущественных спорах. Что же касается иностранцев, то этот вид доказательства применялся не только в имущественных спорах, но и в спорах о побоях и ограблении (ст. 105).

Судебный поединок («поле»)

Поле, как и присяга, применялось в тех случаях, когда в распоряжении сторон не было других, более веских доказательств, например, в спорах о земле, о невозвращении вещей, отданных на хранение, о торговом займе, о долге по поручительству, по делам о побоях, грабеже и вырывании бороды. Как правило, ответчику предоставлялось право решать, какой вид доказательства должен быть применен на суде — клятва или судебный поединок. Судная Грамота знает лишь один случай, когда дело решалось судебным поединком не по желанию ответчика, а по указанию суда. Это имело место в спорах о лесных участках, находившихся в межах двух владельцев (ст. 10). В данном случае в споре выступали представители

господствующего класса, и поэтому Судная Грамота не ставила одну из спорящих сторон в привилегированное положение.

Иначе обстояло дело, когда спор происходил между помещиком и крестьянином или между кредитором и должником. В этом случае Судная Грамота предоставляла собственнику право решать вопрос о принесении присяги по его усмотрению.

Престарелый или малолетний ответчик, увечный, поп или монах имели право выставить за себя наемного бойца (ст. 21). В спорах о взыскании долга, предъявленном на основании доски, этим же лицам, выступавшим в процессе в качестве истцов, также предоставлялось право выставлять за себя на судебный поединок наемных бойцов. Женщины, выступавшие в суде в качестве истца и ответчика, должны были сами выйти на судебный поединок (ст. 119).

Побежденная сторона должна была уплатить князю и приставам пошлину. Но если истец убивал в поединке ответчика, он терял право на удовлетворение своих претензий и должен был ограничиться тем, что брал доспехи и другое одеяние убитого. Если же стороны, не выходя на поле, мирились, то ответчик платил приставам всего лишь половину продажи, а князю ничего не платил (ст. 37).

Испытание огнем и железом (ордалии), применявшееся в эпоху Русской Правды, в Псковской грамоте совсем не упоминается.

«Закличь»

Одним из видов доказательства был так называемый закличь, т. е. объявление истцом на торгу о своей претензии к ответчику. Этот вид доказательства применялся в тех случаях, когда у сторон не было письменных документов. Так, помещик имел право путем заклича требовать от изорников «покруты» (ст. 44). К закличу мог прибегать и работник, которому хозяин отказывался уплатить за труд (ст. 39).

Таким образом, закличь применялся в случаях невозвращения покруты и наемной платы. Этим закличь эпохи Псковской Судной Грамоты отличался от заклича эпохи Русской Правды, где этот вид доказательства применялся только при опорах о похищенных вещах и холопах. При этом требовалось, чтобы эти вещи обладали определенными индивидуальными признаками.

Вынесение решения

Как известно, в эпоху Русской Правды суд выносил устные судебные решения. Псковская же Грамота упоминает только о письменных решениях суда «суднице» и бессудной грамоте. Судница, или судная грамота, это

решение суда по делу. Бессудная грамота представляла собой решение суда в тех случаях, когда ответчик не являлся на суд.

Согласно ст. 82, княжеский писец за написание судницы имел право взыскать с заинтересованной стороны определенную сумму денег.

Обжалование решения

Подобно Русской Правде, в Псковской Судной Грамоте не упоминается о возможности обжалования судебных решений.

Ст. 61 предписывала князю и посаднику не отвергать на суде различного рода документы, подлинность которых не вызывала сомнений. Суд должен признавать недействительными только подложные документы, грамоты и доски.

Исполнение судебных решений

Судная Грамота содержит мало норм, регулирующих исполнение судебных решений. Известно лишь, что по делам о побоях на рынке, на улице или на пиру виновный выдавался с головой потерпевшему. Кроме того, виновный должен был уплатить князю продажу (ст. 27). Точно так же, если кто-нибудь ударил на суде своего противника, должен был заплатить потерпевшему рубль, а в случае несостоятельности выдавался с головой потерпевшему. Кроме того, виновный должен был уплатить продажу в пользу князя (ст. 111).

Лицами, выполнявшими функции судебных исполнителей, являлись подвойские или приставы и княжеские, слуги, которые получали за выполнение своих обязанностей с проигравшей дело стороны судебные пошлины.

Псковская судная грамота

Ся грамота выписана из великаго княчя Александровы грамоты и из княж Костян-тияовы грамоты и изо всех приписков псковских пошлин по благословению отец своих попов всех 5 съборов и священноиноков, и дяко нов, и священноиноков и всего Божиа священства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е

(1) Се суд княжеи, ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или въ яме или скота оукрадают или сено сверху стога имать то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70 гривен, а княжля продажа 19 денег, да 4 денги князю и посаднику.

(2). И владычню наместнику суд и на ссуд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите.

(3). А которому посаднику сести на посадниство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не метится ни на когож, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а без неправы человека не погубити ни на суду на вечи.

(4). А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им оу князя на сенех, взираа в правду по крестному целованью. А не всудят в правду, ино Бог буди им судна на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику.

(5). А которому княжому человеку ехат на пригород наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судит прямо по крестному целованью, а коли ему ехати на которое...

(6). А которой посадник слезет степени своей, орудия и судове самому оуправливати, а иному насад его судове не пересужати.

(7). Л кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати.

(8). Что бы и на посаде покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изличив живота ему не дати, крам кромскому татю.

(9). А коли будет с кем суд о земли о полней, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцто съслатоя на сосед человек на 4 или на 5. А суседи став, на коих шлются, да скажут как прав пред Богом, что чист, и той человек которой послался стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивень в те лета, ни его судил ни на землю насту-пался, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целования ему нет, а тако не доискался кто не судил, ни наступался в ты лета.

(10). О лешей земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты а исца оба возмут межников, да оба и звездутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество сьимут ино им присужати поле.

(11). А которой своего истца переможет..

(12). А которой истецъ... там. Ино того человека по-винити, и грамоты его посудить, а правому человеку на ту землю и судница дати; а подсудничье князю и посадником и с сотскими всеми взяти 10 денег.

(13). А кто оу кого иметь землю отимати выкуиком, а старые грамоты оу того человека, оу кого землю оти-мают, ино воля того человека оу того старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкупке покуду отнимает.

(14). А кто положит доску на мртваго облюдень(е), а имет искати на приказникох того соблюдения, серебра или платиа, или круты, или иного чего животнаго, а тот оумршей с подряднею и рукописание оу него написано и в ларь положено, ино на тых приказникох не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказникох не искати ничего. А толко будет заклад пли запись, ино водно искати по записи, и и кто животом владеет по записи или по закладу; а оу приказников оумршаго а не будет заклад, ни записи оумршаго на кого, ино им не искати ничегож, ни ссудиа, ни торговли, ни зблюдения ничегож.

(15). А оу котораго оумршаго а будет отец, или мать или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближняго пле мени, а а животом владеет, а толко не сторонний людие ино им волно искати без заклада, и без записи оумршаго, а на них волнож искати

(16). А о зблюдении кому... в пожару или по грехом на кого род ополчится, а оу того времени што кому даст на зблюдение, а имет просит своего, и тот человек запрется оу него взем, ино кому искат, явити ему

(17). ...чюжой земли приехав или под пожар та неделю или по грабежу, и тот имет записатся, ино тот суд судить на того волю хочет сам поцелует, или на воле лезеть, ияи оу креста положит своему исцу.

(18). А кто по волости ходит закупен, или скотник, а имет искати тако же соблюдение, или верши, ино господне обыскать еравда такоже присужае на ком сочаг, хочет сам поцелует, или на поле с ним лезет, а хочет ему оу креста положит.

(19). А кто имет искати зблюдения по доскам безименно, старине, ино тот не доискался.

(20). А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовници, и князь и посадником и сотцким обыска ги как послух, где будет обедал, и и где начавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; такоже и битого опросить, где есть били и грабили, явили кому, и на тех ему слатся, а на кого

сошлются, а тот став скажет как право пред Богом, што битый являл бой свой, и грабежь, а послух на суде став а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат, хочет с послухом на поле лезет, или послуху оу креста положит, чего искал.

(21). А против послуха стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять вольно наймить, а послуху наймита нет.

(22). А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в тыж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался.

(23). Или который истец пошлется... на послуха, а на котором сочат... а ркучи: тот мене сам бил с тым своим послухом, а нонеча на невож шлется, ино тот послух в послух которого на суде наимянуют.

(24). Или паки тойже истец, на ком сочат розбоя, не почнет слатся на послуха, ино штоб не слался один истец, ино госпode послать с суду своих людей, а каторой не слался, ино его в том не повинити, что не слался, а то госпode от Пскова без дива.

(25). А каторой позовник пойдет иоца звати на суд, и той позванный не пойдет на погост к церкви оозышицы чести, или стулится от позывницы, ино позышвица прочести на погосте перед попом; или паки тойж позванный позывницею, не емля оброку да не станет на суд пред гасподою, ино госпode дать на него лрамота на виноаатаго на 5 ден шзовником.

(26). А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочему поймав по грамоте не мучит, ни бить, поставить пред господою; а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотися, а толко имет сечися, или колотися, да оучинит головшину, ино быти ему самому в головшине.

(27). А где оучинитса бой оу торгу или на оулицы во Пскове, или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бой многы люди видели в торгу или на оулицы, или в пиру, а ставши перед нами челоуеки 4 или 5, а ркучи слово: того бих, ино кто бился того челоуека их душа выдати... битому челоуеку, а княжая продажа. Той же бит оучнет клепать грабежом, ино ему ходит исца послухом одним челоуеком того деля занеже и поле присужати.

(28). А (кто на ком имет сочить съеуднато серебра по доскам, а сверх того и заклад положит, ино воля того челоуека, кто имет серебра сочить по закладу, хочет сам поцелует да свое серебро возмет, а хочет заклад ему оу креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет, а поле через заклад не присужати, а закладных доек не посужати.

(29). А которой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего исца и невести, или перед господою изгодит своего исца, а оу того исца, оу кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити, нять вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит, хочит сам поцелует на своем серебри, или оу креста ему положит и поцеловав да свой зайлад возмет.

(30). А кто имет дават серебро в заим, ино дати дата до рубля без заклада и без записи а болши рубли не да-иати без заклада и без записи. А кто иметь ...ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

(31). Хто на ком имет ссудного серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или до-спех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот ааклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: оу тебе есми того не закладал, а оу тебе есми не взимал ничегож, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат.

(32). А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочиг на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымет против своего «еца рядницу, а молвит так: аз, брате, тебе заплатил то серебро за тою рукою, а оу мене и рядница што ему не сочить истьцу на исце того серебоа, ни на поручники, ино тая порядня повинить, аже в лады не будет в тыж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал.

(33). А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля.

(34). А у которого псковитина оу какова оучинится татба в Пскове или на пригороде, пли в сели на волости, ино явить старостам, или околным суседом, или иным сторонным людем, а в пиру, ино в пировому старосте, или пивцам явити, а государю пировому... нет, а псковитину... волости во Пскове на волную роту не взяти, весть ему к роте на кого ему не любовь.

(35). Кто из церкви, где татба оучинилась, також и пригорожане, или селянин псковитян на пригороде, или на тору не звати, вести ему к роте псковитину где татба учинилась.

(36). А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняги, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет.

(37). А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы, а на труп оукуп не имати, толка ему до-спех сняти, или иное што, в чем на поле лезет, а виноватому платить и княжа продажа и приставное двема приставом толка побьются, по 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, ож истец чего не возможет.

(38). А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в ряд-чицы будет написано о торговли же, а противу той ряд-ницы не будет во святей церкви в лари в теж речи другой, ино тая рядница повинити.

(39). А которой мастер плотник или наймит отстоит свои оурок и плотник или наймит... свое дело отделает... на государех и взакличь сочит своего найма.

(40). А которой наймит дворной пойдет прочь от государя не достояв своего оурока, ино ему найму взяти ло счету, а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши, найма сочитать как отиде за год сочитать, толко будет найма неймал оу государя, а толко пойдет болши года, ино им не сочити на государех.

(41). А которой наймит плотник, а почнет сочитать на ма своего на государи, а дела его не отделает, а поил прочь, а ркучи так государю, оу тебе есми отдал де свое все и государь молвит: не отдал еси всего де, своего, ино государю оу креста положить чего сочю или государь сам поцелует, аже оу них записи не буде.

(42). А которой государь захочет отрод дати своему зорнику или огороднеку, или кочетнику, ино отрок бы о Филипове заговейне, також захочет изорник отречи с села, или огороднику, или четник ино томуж отро быти, а иному отроку не быти, ни от государя, ни изорника, ни от котечника, ни от отрородника, а запрет изорник или огородник, или котечник отрока государев ино ему правда дать, а государь не доискался четверт или огородной части, или с ысады рыбно части.

(43). А которой котечник заложи весну, или исполо ник оу государя, нно ему заплатит весна своему госуд рю, как оу другоичате доставалося на том же саде.

(44). А государю на изорники или на огородники, и на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочитать серебра и всякой верши по имени, или пшеница яронили озимой, и по отроку государеву или сам отречется.

(45). А кто имет сочит торговли, или поруки, и, зблюдения или с соудиа, или выморщины безимянно, ино той не доискался.

(46). А которой человек оу человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогож есми не знаю, оу кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татеим не поделился, а не поставит его, а сам не оукрал, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался.

(47). А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу.

(48). А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел.

(49). А княжим людей или оодвоским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга, а што бы двое или трое ехали, а езд им взять один. А княжой человек не поедет ис того или подвойской, ино поковитину послать ис того волно ис тех же ездов.

(50). А княжей писец взмет по силе истцово от позовницы или от безсудной грамоты, или от приставной, а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать, а не запечатает князь ино оу Святей Троицы запечатать, в том измены нет.

(51). А коли изорник имет запирается оу государя покруты, а молвит так оу тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставить люди сторонние человеки 4 и 5, а тым людем сказати как прямо пред Богом, как чисто на селе седел, ино государю правда давши взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А толко государь че поставит людей на го, что изорник на селе седел, ино тот человек покруты своя не доискался.

(52). А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти.

(53). Аже сын отца или мать не скормит до смерти, а пойдет из дому, части ему не взять.

(54). А штобы и по соуду, или оу креста поставить своего исца оу кого купил, ино суд с тем человеком, кто искал, кто снял, а тот прорка, кто из вод поставил.

(55). А оу кого ишимаются за отморшину отца его, или приказной, а и суседом будет ведомо, или сторонным людем, а став человек 4 или 5, а

молвят как право пред Богом, что чисто оу него, отморшина отца ело ли приказное, ино оу кого поимался, и целованья ему нет, а тот не доискался; а только будет человек 4 или 5 скажут, как право пред Богом, ино ему правда дать, как чисто отморшина.

(56). А такоже, кто купил на торгу, а оу кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а оу него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, оу кого имаются, и целованья ему нет; а не будет оу коего свидетелей, ино ему правда дати, а то не доискался.

(57). А кто возмет пристава оу князя или оу посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику приставы отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом где будет татба обыскивати, а толко те приставе рекут то слово, приехали есмы ня двор татбы обыскивати, и тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали, и тог человек кого было обыскивати а молвит то слово: оу мене господо теи приставы не бывали, или тойж человек возмолвит то слово: были той есть оу мене те приставы и аз весми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора эбежали, а тым мене згонением облыгают, ино князю и посаднику опросить приставов, есть ли оу вас неправа какова на том пред ним вас тот человек з двора согнал, ино приставом на се поставить люди человека 2 или 3, а ты люди став на суде рекут, как право пред богом пред нами тот человек тех приставов с двора согнал, а обыскивати им не дал, ино тым приставам правда дати, а тот человек в татбе, или паки тыи приставы, ино тии приставы не в приставы, а тот татбы своей не доискался, чии таковии приставы.

(58). А на ооуд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникама, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца или за черницу, или которой человек стар велми или глух, ино за тех пособнику быти; а хто опрочнеимет помогать или силою в судебню полезет, или подверника оударит, ино всадати его в дыбу да взять на нем князю рубль, а подверником 10 денег.

(59). А тым подверником быть от князя человеку а от Пскова человеку же, а целовать им на том крест, што праваго не погубити, а виноватаго не оправить, а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки.

(60). А татю веры не нять, а на кого возклеплет, ино дом его обыскать и найдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.

(61). А князю и посаднику грамот правых не посу-жати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить.

(62). А кто на ком имет чего искать по доскам, или по закладом, а с молве оу своего истца возмет от много мало по суду, и что бы оу креста, ино в том пени нет, что бы и даром отпустил своего истца без целованья.

(63). А который изорник отречется оу государя села, или государь его отрчет, и государю взять оу него все половину своего изорника, а зорник половину.

(64). А которые пристани, княжей человек или подвойской, или псковитин, а поедет человека позвать на суд, или росшвать, или сковати, а езд имать на 10 верст денга.

(65). А которой пристав поедет на татбу, нно ему езд имати вдвое, платить татю виноватому, а толко не вымет татбы, што приставное и дверское платить тому, кто пристава взял.

(66). А которой пристав, или дворянин а возьмет своему оузду конь, или иное что оу него возмет, ино ему дать на руку стороннему человеку, а не возмет на руку, ино ему собою свести, а взять езды иа том, кто его не оутяжет.

(67). А истец приехав с приставом а возмет что за свой долг силою, не оутяжет своего исца, ино быти ему оу грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому.

(68). А посаднику всякому за друга ему не тягаться, опрочь своего орудиа или где церковное старощение дръжит, ино им водно гягаться.

(69). И всякому властелю за друга не тягаться, опрочь своего орудиа.

(70). А за церьковною землею и на суд помочю суседи не хсдят, итти на суд старостам за церьковную землею.

(71). А одному пособнику одного дни за 2 орудиа не тягаться.

(72). А которому человеку будет кормля написанна в рукописании, и да грамотами владеть землшыми начнет или исадскими, а продаст тую землею или сад, или иное что, а доличат того человека, ино ему земля та, или или исад, или иное выкупить, а свою крмлю покрал.

(73). А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а приидет зарок, ино ему явит господе о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свой гостинець; а толко не явит зарок господе, гостинца ино ему не взять по зароке.

(74). А кто почнет имать своего исца в своем сребре зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем сребро имати, и тот человек до зароку оучнет сребро отдавать, в виноват, ино гостинца дать по счету ему взять.

(75). А которой изорник на государя положит в чем доску, ино та доска посудить. А старому изорнику вози вести на государя.

(76). А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорнич живот на сели останется государю покрута имать на изорники, ино государю оу князя и оу посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич пред приставы и пред сторонними людьми государю попродади да поимати за свою покруту, а чего не достанет, а по том мени явится изорник, ино государю доброволно искать зтка своего покруты, а государю пени нет, а изорнику на государи живота не сочит, а сочит псковским.

(77). И судьям псковским и посадникам новгородским и старостам пригоцким по томоуж крест целовать на том, што им судити право по крестному целованью, а не судеть право, ино суди им Бог в страшный день втораго пришествия Христова.

(78). А которому княжему человеку ездить на межу с сотьскими, ино ему такоже целовати крест.

(79) А коли имуть тягаться о земли или о воде, а по-ложить двои грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжему, а другие грамоты четти дьяку городскому. А коли приидет грамота с пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

(80). А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся а промеж себе прощение возмут, ино ту князю продажи нет.

(81). А на приставное и на ссылку княжим людей ездить со псковскими подвоскими по половинам.

(82). А княжой писец имет писати судницу о земли, ино ему от судницы взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безсудной и от приставной, все то им имати - по денги. А толко княжой писец захочет не по силе, ино инде волно написати; а князю запечатать; а не запечатает князь, ино оу Святей Троицы запечатать а в том измены нет.

(83). А которому псковитину имать грамота оу князя и оу по... о своем деле за рубеж и от той грамоте княжому писцу взять денга, а печатная денга.

(84). А которой изорник поумреть оу государя на сели, а не будет оу него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю також живот изорнич с приставами, и исторснними людми попродавать, да за свою покругу поимати, а по тому племени изорнич, ни брату не сочит живота изорнича.

(85). А оу которого человека оу государя изорник помреть в записи в искрути, а жена оу него останется и дети не в записи, но изоно изорнич жене и детем откли-чи нет от государеве покругу, а та им покруга платит по той записи; а будет не в записи был изорник, ино их су-дिति судом псковской пошлине.

(86). А будет оу зорника брат или иное племя, и за живот поимаются, ино государю на них и покругу искать, изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки; а толко будет конь или корова, ино волно искати оу государя.

(87). А изорник поимается за жывог оу государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свой жывог оу государя, а сторонным людем ведомо будет и околным суседом, што государево, ино изорник не доискался, а государь прав.

(88). А оу которого человека помреть жена без рукописания, а оу ней останется отчина, ино мужу ея вла-дети тою отчиною до своего живота толко неженится, а оженится, ино кормли ему нет.

(89). А оу которой жены мужь помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене его кормится до своего жывота, толко не пойдет замуж, а пойдет замужь, ино ей нет.

(90). А оу которого человека помрет жея, а муж ея оженится, и ження мать или сестра, или иное племя а имут искать платья, ино мужу ея право по души платья отдать, а на останки мужеви о женни платьи и целованья нет. Також коли мужь помреть, а имугь моужня платья на жене его отець его или братья, ино ей отдасть платья право по души, что оу него останется; а на останки жене в мужни платьи целования нет.

(91). А оу кого помрет сын, а невестка сстанетса, да оучнет на свекри или на девери скрыты свсеа искати, или платья своего, ино свекру или деверю отдать платье, или крута; а чем невестька клеplet, ино свекру или деверю воля, чим хочет: хочет сам поцелует крест, или оу креста иевестка положит, чим оучнет клепати.

(92) А кто на ком оучнет искать сябргнаго серебра, ино иного чего, спрочь купетскаго дела, и гостебного, да и доску положит на то, ино то судит

на того волю, на том ищут, хочет сам поцелует, или своему исцу оу креста положит, или с ним на поле лезеть.

(93). А оу кого стулится должник в записи, а на зарок не станет, или изорник в записи будет, а оучнет тулится, а что оучинится проторы или приставное, или заповедь, ино все платить виноватому, кто тулится, и железное.

(94). А которой вятший брат с мендшм братом жиоучи в одном хлебе с вятшим братом, а скажут долгу отцово, а на отца записи не будет, ино вьяшчему брату правда дать, да заплатит опчим животом, да остатком делится.

(95). А который меньиин брат или братань, жиоучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом, а иско-риступуются серебром оу брата своего или оу брата, и оучнет запиралися, ино ему правда дать, как за ним не будет, а животом делится.

(96). А где оучинится головшина, а доличат коего половника, ино князю на головниках взять рубль продажи.

(97). А што бы сын отца оубил, или брат брата, ино князю продажа.

(98). А которой человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка в то время детя выверже, да пристава оучнет головшиной окладати, или исца, ино в том голозшины нет.

(99). А которой истец на судией роте не станет, ино ему заплатит без целованья, а цена ему, что искали на нем.

(100). А которой человек при своем животе, или пред смергию, а что своею рукою племяннику, своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом, или пред сторонными люд-ми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и рукописания не было.

(101). О торговли и о поруке. А кто имет на ком торговли искать, или поруку, или именного чего, ино того судить на того волю, на ком сочат, хочет на поле лезеть, или оу креста положит.

(102). А которой мастер иметь сочить на оученики оучебнаго, а оученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем оучебном, или оученику верить.

(103). А подсуседник на государи судьи или иного чего волно искати. А которому с ким суплетка была записью или закладом, и потом тот человек, которой в записи был, или заклад закладывал кому да оучнет на том же чего

искать, осудья или зблюденья, или иного чего по доскам или по торговли, ино то судить судом по псковской пошине.

(104). А который исцы вымоут на оумершаго заклад грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду или на один двор, или на одну клеть, а оу тех исцов, оу кого заклада грамоты сверх того и записи и на того оумершаго и на его заклад и оу иных истьцов не будеть записи, толко заклад грамот, ино им правда давши да доля поделом, и по серебру, колко серебра ино и доля ему по тому числу, ожь ближнее племя еос-хочет заклад выкупить, а оу коего исца заклад и записи на оумершаго, ино ему целованья нет на его дело.

(105). А которой чюжеиземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ищуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему креста положит, чего на чем ищуть.

(106). А кто с ким рсстяжуться о земли или о ти, да положат грамоты старые и купленную свою грамоту, о его грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти и сябры вси станут на суд в одном месте, отве-чаю-чи ктож за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут, и той отведут оу стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и суд-ница дать на часть, на которой поцелует.

Объяснительный словарь

Братань — племянник.

Братычина, братчина — группа соседей, объединившихся с целью организации в складчину общественных пирушек.

Борть — пчелиный улей в дупле дерева.

Вершь — хлеб, зерно.

Возити возы на государя — выполнять гужевую повинность в пользу помещика

Волостеле — глава судебной-административной власти в волости

Выкупок — право выкупа отчужденной земли в течение определенного срока, установленного при заключении сделки

Выморщина — наследство.

Вятшии — старший.

Головник — убийца

Головщина — убийство.

Гостинец — проценты

Гость — иностранный или иногородний купец.

Государь пировой — хозяин дома, где происходит пир участников братчины

Грамота бессудная — обвинительный приговор, вынесенный в отсутствие ответчика.

Грамота куаленая — купчая грамота, письменный документ, удостоверяющий право собственности на земельный участок.

Грамота лживая — подложная грамота

Грамота срочная — повестка, извещающая ответчика о сроке явки в суд

Грамота судная — грамота о судебном решении.

Грамота жалованная — грамота, выдаваемая от имени Псковского веча тому или иному лицу на владение землей или рыбной ловлей

Денга — 1/220 часть псковского рубля

Денга печатная — пошлина за приложение печати к документу

Доклад — перенесение дела на рассмотрение в высшую инстанцию

Доска — простой неформальный договор, написанный на доске или лубе

Дьяк городской — должностное лицо, ведавшее канцелярией веча.

Дьяк княжой — начальник канцелярии князя.

Дыба — колодка, состоящая из двух досок, имевших посредине выемку, а по концам — петли и замки.

Живот — жизнь, имущество.

Животное — движимое имущество.

Железное — судебная пошлина в пользу пристава за наложение оков на ответчика, не явившегося на суд.

Зажигалник — поджигатель.

Зажоги — поджог.

Займ — заем.

Заклад — залог.

Закликать — оповещать в публичном месте.

Закличь — извещение в публичном месте.

Закупень, закуп — феодальнозависимый крестьянин.

Запись — письменный документ о долговом обязательстве.

Заповеди — объявление, запрещение.

Зарок — срок.

Зблюдения — хранение.

Земля лешая — земля под лесом, неудобная для обработки.

Земля полняя — полевая, распаханная земля.

Зорник, изорник — лишенный земли и средств производства крестьянин, получивший ссуду от феодала и работающий на земле последнего.

Зсудиа — ссуда.

Изорник, зорник — лишенный земли и средств производства крестьянин, получивший ссуду от феодала и работающий на земле последнего.

Изорник старый — изорник, ушедший от одного помещика к другому, но обязанный отбывать так называемую повозную повинность в пользу своего прежнего хозяина.

Исад, ысад — рыболовный участок.

Клеть — кладовая, место хранения различного рода ценностей.

Кокошь — курица.

Кормля — получение по завещанию недвижимого имущества в пожизненное пользование на прокормление.

Корец — ковш, мера жидкости.

Кочетник — изорник, занимавшийся рыболовством на рыболовных участках феодала.

Крута, скрута — украшение.

Куны — деньги, пошлина.

Куны городские — городские доходы Пскова.

Кур — петух.

Ларник — выборное должностное лицо, заведывавшее казной и архивом Пскова.

Ларь — городской архив, находившийся при Троицком соборе, место засвидетельствования и хранения документов.

Лодья — лодка, судно.

Мастер — владелец ремесленной мастерской.

Межник — лицо, приглашенное тяжущимися для установления границ спорного земельного участка.

Мзда — вознаграждение, взятка.

Назрячее, незрячее — всякое движимое имущество, кроме скота.

Наместник — представитель князя в псковских пригородах.

Наместник владычный — представитель Новгородского архиепископа из числа псковских граждан, ведавший управлением и судом над псковским духовенством и феодально-зависимым населением церковных и монастырских земель.

Наймит — работающий по найму; наемный боец, выступавший на судебном поединке вместо престарелого, малолетнего, увечного, женщины, попа и монаха.

Наймит дворный — дворовой наемный работник.

Наход — разбой, произведенный шайкой.

Нивы росстрадни — поле, возделанное для посева, пашня.

Облюденье — имущество, отданное на хранение.

Огородник — изорник, обрабатывающий огород феодала.

Окладати — обвинять.

Окуп — выкуп.

Орудье — дело.

Орудье земное — дело о земле.

Оспода — суд князя с посадниками и сотскими.

Отморшина — наследование по закону.

Отрод, отрок, отречися от государя — отказ, уход зависимого крестьянина от помещика.

Отчина — родовое недвижимое имущество.

Оурок — срок найма.

Пенези — деньги, мелкая монета.

Пеня — денежный штраф.

Переветник — государственный преступник, изменник родины.

Пересуд — решение дела по апелляции.

Пивец — участник братчины т. е. группы соседей, объединившихся с целью организации вкладчину общественных пирушек.

Писец княж (княжой) — мелкий княжеский чиновник.

Погреб — место содержания заключенных, тюрьма.

Подверник — привратник, следивший за порядком в помещении суда.

Подвойской, подвойский — агент суда, выполнявший функции судебных исполнителей.

Подрядная — духовное завещание.

Подсуседник — наниматель дома или части усадьбы, находившийся в экономической зависимости от хозяина дома или усадьбы.

Подсудничье — судебная пошлина в пользу князя, посадника и сотских.

Позов, позвы — вызов на суд.

Позовник — лицо, извещающее ответчика о времени явки его на суд.

Позовница — повестка о вызове ответчика в суд.

Покрута, — ссуда, выдаваемая феодалом изорнику для обзаведения хозяйством.

Поле — судебный поединок.

Полевое — судебная пошлина в пользу князя и приставов, уплачиваемая стороной, побежденной в судебном поединке.

Полишное, поличное — краденая вещь, обнаруженная при обыске у подозреваемого в краже.

Половник — феодально-зависимый крестьянин, плативший помещику оброк в размере половины урожая.

Полеть — покрывало из войлока или шкур для предохранения продуктов или вещей от холода и снега.

Полуба — луб.

Порука — поручительство.

Поручник — поручитель.

Порядня — расписка.

Портище — одежда.

Посадник погородский — посадник пригорода.

Посадник старый — бывший посадник, сдавший должность вновь избранному степенному посаднику.

Посадник степенный — высшее должностное лицо в Пскове, руководившее заседаниями Совета Господ и собраниями веча, осуществлявший суд вместе с князем по наиболее важным делам.

Послух — свидетель.

Пособник — поверенный стороны на суде.

Посул — незаконный побор с тяжущихся, взятка.

Посужать — признавать действительным.

Пошлина — исконный обычай.

Правда — присяга.

Пригород — город, игравший роль опорного военного укрепления, с прилегающими к нему волостями.

Приказник — наследник.

Приказное — имущество, полученное по завещанию; наследование по завещанию.

Пристав — агент суда, выполнявший функции судебного исполнителя.

Приставное — пошлина в пользу пристава.

Продажа — денежный штраф с осужденного в пользу судьи.

Проскурница — просвирня.

Проторы — издержки, расходы, убытки.

Пятнити (тата) — накладывать клеймо.

Рота — присяга, клятва.

Рота волная — вольная присяга.

Рота судная — судебная присяга, присяга перед судом.

Рощеное — доморощенное.

Рукописание — завещательное распоряжение

Ряд — условие, соглашение, договор.

Рядная — договорная грамота.

Рядница, порядня — расписка об уплате долга.

Святая троица — главный собор во Пскове, где находился городской архив, место хранения засвидетельствованных документов.

Сени — княжеские палаты, место, где заседал суд князя с посадником.

Серебро — деньги.

Серебро ссудное — деньги, данные в долг.

Серебро сябренное — деньги, данные сябрам — членам крестьянской общины.

Слюблено — любовно.

Соблюдения, зблюдение — имущество, отданное на хранение, поклада.

Сотский — выборное должностное лицо, выполнявший функции судьи.

Сочить, сачить — возбудить дело.

С суд и а, зсудиа — ссуда.

Староста — выборное должностное лицо.

Староста пировой — организатор пиров, избиравшийся участниками братчины.

Староста пригоцкий — староста пригорода.

Стулиться — скрыться.

Судьи псковские — выборные должностные лица, осуществлявшие судебные функции по мелким уголовным и гражданским делам, кроме споров о землевладении.

Судница — письменное решение суда, правая грамота.

Судебня, судебница — помещение суда.

Суп летка — договор, обязательство.

Суседи, соседи — члены одной общины.

Сутяжник — тяжущаяся сторона — истец или ответчик.

Сябр, шабр—член крестьянской общины.

Степень — помост на вечевой площади, на котором во время вечевых собраний сидели высшие должностные лица Пскова; «посадник слезет степени своей», — бывший посадник.

Тать — вор.

Тать коневой — конокрад.

Тать кримской, кромской, Крамской — вор, похитивший что-либо из Псковского Кремля (Крома), где хранились общественные запасы и деньги.

Татьба — воровство.

Титяга — веревка.

Торг — рынок, торговая площадь.

Тулиться — скрываться, прятаться.

Ученик — лицо, находящееся на обучении у мастера-ремесленника.

Учебное — плата мастеру за обучение ремеслу.

Филиппьево заговенье — 14 ноября ст. ст.

Хоженое — пошлина приставу за вызов ответчика в суд в пределах города.

Целование — присяга.

Человек княжой — княжеский слуга.

Чернец — монах.

Шабр, сябр — член крестьянской общины.

1«Псковская Судная Грамота, составленная на вече в 1467 году», Одесса, 1847.

2Н. Калачов. Псковская Судная Грамота («Москвитянин» № 2, М, 1848, критика, стр. 165—178).

3К. М-ий. Псковская Судебная Граммата, 1397 (?) года. («Северное обозрение», учено-литературный журнал, т. III, СПб, 1850, стр. 441—472 и 599—634).

4К М-ий. Псковская Судная Граммата. 1397 (?) года. («Северное обозрение», учебно-литературный журнал, т. III, СПб, 1850, стр. 450.

5Ф. Устрялов Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 г, СПб, 1855.

6См. И. Энгельман. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, СПб, 1855.

7До XVII в. в древней Руси существовала цифровая система из букв. Над буквой, обозначающей цифру, ставился знак ~ (титло). Летоисчисление велось от мнимого «сотворения мира». От этого «события» до нашей эры насчитывалось 5508 лет. Для переводы дат с летоисчисления от «сотворения мира» на современную эру следовало вычесть 5508.

8См. Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права, М., 1869.

9М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, 1889, стр. 171 — 172.

10Там же, стр. 291—292.

11См. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов (журнал «Юридический вестник», т. 16, изд. Московского Юридического общества, 1884).

12См. М К Рожкова. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты. Изд-во «Книга», Л.—М, 1927.

13См. М. К. Рожкова. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты. Изд-во «Книга», Л.—М , 1927, стр. 8.

14Там же, стр. 9.

15См. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, 1889, стр. 155.

16См. Л. В. Черепнин. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты («Исторические записки» № 16, 1945, стр. 203—231).

17См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. ч. 1, изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 408—447.

18См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, изд-во Акад. Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 231

19См. Б. Б. Кафенгауз. О происхождении и составе Псковской Судной Грамоты («Исторические записки» № 18, 1946 стр. 295—326).

20См. М. М. Исаев. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. (Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1—6 июля 1946 г., Юриздат, М., 1948).

21См. М. М. Исаев. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв., стр. 128.

22См. П. М. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов («Юридический вестник», т. 16, № 5—6, М., 1884, стр. 101—102).

23См. А. И. Филиппов. Учебник истории (русского права, ч. 1, Юрьев, 1912, стр. 132.

24«Псковская летопись», изданная Погодиным, 1837, стр. 103.

25Л. В. Черепнин. К вопросу о составе Псковской Судной Грамоты («Исторические записки» № 16, 1945, стр. 207).

26См. ПСРЛ (Полное Собрание Русских Летописей), т. IV, стр. 251—252.

27Там же, стр. 251.

28ПСРЛ, т. IV, стр. 250.

29См. ПСРЛ (Полное Собрание Русских Летописей), IV, 195, 1397 «взяша мир вечный с Новым городом».

30См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 129.

- 31ПСРЛ, IV, 222, 1462.
- 32«Псковская летопись», изданная Погодиным, 1837, стр. 103.
- 33ПСРЛ, IV, 250, 1475.
- 34А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, СПб, 1873, стр. 179.
- 35В. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2, М., 1937, стр. 97.
- 36ПСРЛ, IV, 91, 1385.
- 37ПСРЛ, IV, 217, 1458.
- 38ПСРЛ, IV, 288, 1510.
- 39Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд во Акад. Наук СССР, М.—Л., 1949, стр 318.
- 40И. Д. Беляев. История города Пскова и Псковской земли, М., 1867, стр. 39.
- 41См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., 1946, стр. 476.
- 42В. И. Ленин. Соч. т. 29, стр. 444.
- 43Там же, стр. 445.
- 44Там же, стр. 444.
- 45И. Д. Беляев. История города Пскова и Псковской земли, М, 1867 стр. 33.
- 46См. Б. Б. Кафенгауз Посадники и боярский совет в древнем Пскове («Исторические записки» № 33 Изд-во Акад. наук СССР, 1950, стр. 173—202).
- 47См. там же, стр. 181.
- 48См. там же, стр. 184.
- 49Грамоты Великого Новгорода и Пскова Изд-во Акад. Наук СССР, М—Л., 1949, стр. 318.
- 50Там же, стр. 324.

- 51 Там же, стр. 318.
- 52 В. И. Ленин Соч. т 3, стр. 158—159.
- 53 И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555—556.
- 54 К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 589.
- 55 К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 339.
- 56 К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 8-е, стр. 575.
- 57 Архив Маркса и Энгельса, кн. IV, М—Л., 1429 стр. 228.
- 58 К. Маркс и Ф. Энгельс. К еврейскому вопросу, Соч. т. I, стр. 375.
- 59 Ф. Устрялов. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 г., СПб, 1855, стр. 24—25.
- 60 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд-во Акад. Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 329.
- 61 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд-во Акад. СССР, М—Л, 1949, стр. 17—318.
- 62 Грамоты Великого Новгорода и Пскова Изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., стр. 328—329.
- 63 П. М. Мрочек-Дроздовский Памятники русского права времени местных законов, М., 1901, стр. 32.
- 64 Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времеч до XVII в. Изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., 1946, стр. 448.
- 65 Там же, стр. 470.
- 66 Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших боемен до XVII в. Изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., 1946, стр. 462.
- 67 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд-во Акад. наук СССР М.—Л, 1949, стр. 329.
- 68 См. С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, 1947, стр. 162

69См. М. М. Исаев. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. (Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, М., 1948, стр. 137).

70См. Псковская Судная Грамота Новый перевод и комментарий Л. В. Черепинна и А. И. Яковлева («Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 265).

71ПСРЛ, т. IV, стр. 282.

72Там же, стр. 137.

73М. М. Исаев Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. (Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, М., 1948, стр. 136).

74См. С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, 1947, стр. 162.

75М. М. Исаев Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. (Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, М., 1948, стр. 137).

76М. М. Исаев. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв., стр. 132.

77ПСРЛ, т. IV, стр. 282.

78Там же, стр. 254.

79Там же, стр. 270.

80ПСРЛ, т. III, стр. 71.

81М. К. Рожкова. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты, Саратов, 1927, стр. 9.

82См. «Исторические записки» № 6, 1940 стр. 281.

83См. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русскою права, вып. 1, 1889, стр. 155.

84Н. И Костомаров. Севернорусские народоправства, т II, изд. 3-е, 1886, стр. 93.

85ПСРЛ, т. IV, стр. 269.

86ПСРЛ, т. III, стр. 71.

87ПСРЛ, т. IV, стр. 266-267.

88ПСРЛ, т. IV, стр. 270.

89Грамоты Великового Новгорода и Пскова. Изд-во Акад. Наук СССР, М.-Л., 1949, стр. 326-327.

90ПСРЛ, т. IV, стр. 282.